

Фантастический роман

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Ал очнулся первым. С чувством удовлетворения отметил, что никаких неприятных ощущений не испытывает. Ни изнуряющей жары, ни электрических разрядов. Ничего угрожающего. Окончательно успокоившись, он огляделся вокруг. Двигаться приходилось осторожно, он ощущал ломоту в суставах, как после длительного перелета. Когда поворачивался, покалывало в мускулах. Что-то продолжало еще давить на мозг. Но с каждым новым глотком воздуха силы прибавлялись.

Небольшой барак, который успели соорудить роботы, стоял неподалеку в долине. Рядом с ним автоматы поставили мачту для передач и ретрансляции, ангар для вертолетов. За баракom открывалась равнина с сотнями плоских холмов

и небольших озер. И все это освещалось оранжево-красным светом чужого солнца.

Дверь барака откатилась в сторону, выехала машина, на сиденье которой полулежала Катя. С помощью присосок робот положил девушку на мат — тот самый, на котором несколько минут назад пришел в себя Ал. Лицо Кати чуть заметно подергивало. Вскоре она очнулась и попыталась приподняться на мате. Ал стоял рядом на колени и помог ей. Катя часто заморгала, щурясь на солнце.

— Мерзкий свет, — прошептала она.

— Как себя чувствуешь?

— По-моему... все в порядке.

— К свету ты привыкнешь и не будешь даже замечать, что он оранжевый. Он станет белым. Все цвета станут привычными для нас.

— Но небо, — возразила Катя. — Это небо...

— И небо будет голубым — ты только наберись терпения. Все произойдет само собой. Представь себе, что нулевая точка на шкале немного смещена...

«Странно, — подумал Ал. — Этот грязновато-серый цвет неба меня нисколько не смутил. Может быть, у женщины иная острота восприятия?»

Он смотрел на Катю. Ветер шевелил ее светлые волосы.

— Отдохни пока, — предложил Ал. — А я пойду взгляну...

Он открыл дверь в машинное отделение барака и крикнул одному из автоматов:

Имя западногерманского писателя Герберта В. Франке хорошо известно любителям научной фантастики во всем мире. Ученый широкого диапазона знаний, — в свое время изучал физику, математику, химию, психологию, философию, — в своих фантастических произведениях он стремится не только показать, как станут развиваться в будущем технологические идеи, но и какое влияние они могут оказать на человека. Книги В. Франке, внешне переполненные техницизмами, тем не менее несут в себе большой социальный заряд, они тревожны. Это книги-предупреждения, предостережения. С тревогой вглядывается писатель в окружающий мир и видит в нем уже сейчас тенденции, способные внушить серьезные опасения за будущее. Технология без человека, технология над человеком, человек как робот — не об этом ли уже сегодня мечтают оголтелые западные политики? И не этому ли посвящены страшные опыты по «модификации человеческого поведения», которые, отнюдь не испытывая при этом нравственных сомнений, ставят иные заокеанские психологи?..

Герберт В. Франке верит в человека борющегося и мыслящего, верит в достойное его будущее, которое так страстно отстаивают сегодня миллионы честных людей планеты.

Н. С. ЛИТВИНЕЦ,
кандидат филологических наук

— Когда Дон будет в норме?

— Через четыре минуты, — последовал четкий ответ.

— Перенеси его на воздух!

Автомат повиновался. Ал открыл ему дверь и вышел следом.

— Уже скоро, — сказал он Кате.

Она тем временем окончательно пришла в себя. И пока Дон лежал на мате, «оживая», Катя засыпала Ала вопросами. Сейчас все казалось ей интересным.

— Эй! — позвал их Дон слабым голосом. — Вы уже в порядке? А во мне все переворачивается. Как здесь?

— Красиво, — ответила Катя.

— Вы других тут не заметили?

Катя погладила его лоб.

— Мы ожили всего несколько минут назад.

Сплетя руки над головой, Дон закрыл глаза.

— Нет, вы мне скажите: как здесь?

— Зеленые холмы, озера. Хороший воздух, приятная температура. Ничего особенного.

— Не забывай о старом городе!

— А где он? — полюбопытствовала Катя.

Дон поднялся, посмотрел вниз, на холмистую равнину, где заблестела какая-то полоска, вспыхивали и пропадали искры.

Дон поднял руку и указал в ту сторону.

— Вот он — город!

На другой день они выбежали из барака, едва забрезжил рассвет.

— Чего вы еще ждете? — воскликнул Дон. — Давайте полетим. Нам нельзя терять время!

— Направимся сразу в город? — спросила Катя.

— Это было бы лучше всего, — сказал Ал, — но предпочтительнее действовать по испытанным правилам. Сначала — исследования. Состав воздуха. Химический анализ почвы. Спектр электроволн. Зоология и ботаника...

— Ерунда! Воздухом дышать можно — для этого мне никакого химического анализа не требуется. Животных мы пока не наблюдаем. Может, ты собрался нарвать букет цветов?

— Не будь занудой, Ал, — вмешалась Катя. — Хватит тебе времени и на травы. Полетим с нами в город!

— Ты ведь знаешь, Ал! — воскликнул Дон. — Нам необходимо опередить других! Мы должны прийти первыми!

И они направились к вертолету. Дон сел на место пилота, запустил мотор. Катя и Ал устроились за его спиной. Вертолет оторвался от земли.

Вскоре они стали отчетливо различать вершины и горные хребты, зубчатой оградой протянувшиеся вдоль долины. При солнечном свете их линия казалась темной каймой.

— А какие у нас вообще шансы открыть здесь что-нибудь? — спросила Катя.

— Вот именно, — подтвердил Ал, — ты пока скрывал от нас подробности. К чему эти тайны?

Дон взял курс на город.

— Слушайте меня внимательно, — начал он. — Эту планету я нашел вместе с Джеком. Мы собирались заняться изучением синхронного излучения в области Магеллана-ва Облака. Не помню точно, как это случилось, — может быть, Джек неточно определил расстояние, — во всяком случае, мы хотели было уже повернуть обратно, когда наткнулись на небольшое изолированное солнце. На его орбите находилась огромная планета типа Нептуна, и мы решили осмотреть ее. И вот она — наша удача! — Дон указал вниз, на цепь холмов.

— А город вы тоже нашли сразу?

— Городов здесь много, и найти их оказалось нетрудно. Поверхность планеты на девяносто процентов — горы. Остальная ее часть покрыта зеленью, которая легко различается на общем серо-коричневом фоне. Все города расположены внизу, на равнине. Но вот тот, — он указал направление, — вот тот — самый большой.

— Пока что никто здесь разумных существ не встречал. А вот следов их найдено предостаточно... Город мертв. В некоторых местах — одни развалины.

Сейчас многие здания и строения можно было разглядеть невооруженным глазом: башни с геометрическими узорами вокруг оконных проемов, изогнутые мосты — переходы над улицами, строительные конструкции и мачты; но многое уже рухнуло, согнулось.

Ал отложил бинокль в сторону.

— Почему ты не отправился сюда вместе с Джеком?

Дон рассмеялся.

— Ты думаешь, меня интересует вся эта древняя рухлядь? Или что я вздумал разобраться в их технических достижениях? В вопросах космической археологии? Для меня все это — пустое дело. Я хочу пережить что-нибудь, понимаешь? Что-либо необычное, напряженное и увлекательное. Джек того же мнения.

— И поэтому вы...

— Поэтому каждый из нас создал свою группу. Да. Кто первым узнает, как выглядели здешние аборигены, тот и выиграл. Обе группы работают самостоятельно и не имеют права мешать одна другой. Но насколько я знаю Джека... Если он почувствует, что мы опережаем его, он пойдет на все, лишь бы помешать нам. А посему будем внимательны! Ни в коем случае нельзя расслабляться: нам предстоит далеко не простое дело!

Они приблизились к городу. Внизу более светлые зеленые полосы переплетались, образуя некое подобие сетки. Предположение Ала, что это шоссе и другие дороги, начало оправдываться.

— Кажется, неполадки в управлении, — произнес Дон. — Вертолет сносит в сторону.

— Именно сейчас, когда мы почти над городом! — Катя смотрела сквозь прозрачный пол машины.

Ал наблюдал за Доном. И впрямь странное дело! Вертолет все время сбивало в сторону, как машину на крутых

поворотах. Когда он поворачивал ручку управления, вертолет толкало в противоположную сторону.

— Попытайся лететь по кривой... возьми курс вокруг города... И поставь управление на автомат.

Дон нажал на красную светящуюся кнопку, сразу сменяющую свой цвет на зеленый. Они замерли в ожидании. Приборы показали, что направление движения соблюдается.

— Полный порядок, — сказал Дон.

— Посмотри вниз! — воскликнул Ал. — Мы стоим на месте.

— Проклятье! Ты прав...

Дон изо всех сил нажал на ручку газа.

— Может, это сильный встречный воздушный поток?

Машина продвинулась немного вперед. Потом она на несколько секунд застыла неподвижно, и вдруг ее начало сильно бросать из стороны в сторону.

Дон снова перешел на ручное управление, и вертолет развернуло на 180 градусов. Ала и Катю прижало к дверце кабины. Дав газ, Дон отвел вертолет еще немного назад, развернул и снова направил в сторону города.

— Стой, не надо! — крикнул Ал. Но уже машина, наткнувшись на что-то невидимое, резко пошла вниз и в сторону...

— Я пробьюсь, даже если все разлетится к чертям!

— Прошу тебя, Дон, остановись! — взмолилась Катя.

Дон никого не слушал. И снова было то же ощущение — будто машина врзалась в неодолимую пружинящую стену. Что-то заскрипело, затрещало. Дон с большим трудом удерживал ручку управления.

Катя приникла головой к плечу Ала, веки ее дрожали. Дон не произносил больше ни слова. Он вел машину обратным курсом. К своему лагерю.

Ал начал с обычного физического и химического анализа почвы и образцов камней. Затем собрал по несколько экземпляров цветов, трав и мхов и отложил виды, сильно отличающиеся от земных, в сторону для препарирования. Но добыча его оказалась довольно скудной.

Вскоре к нему присоединились Дон с Катей.

— Нашел что-нибудь? — спросил его Дон.

— Взгляни-ка в микроскоп. Что ты на это скажешь?

— Я ничего не вижу...

— То-то и оно. — Ал вынул пластинку из клеммы. — Ничего нет. Даже микроорганизмов. Теперь я хочу показать еще кое-что. Тебе известна такая формула? — Он протянул Дону листок. — Это результат химической реакции. Знаешь какой?

Дон покачал головой.

— У этого вещества нет названия, но оно в высшей степени активно. Смотри.

Ал окунул стеклянную палочку в пробирку и вытянул каплю хрустально-чистой жидкости. Вынул пластинку из камеры, опустил на нее каплю и снова задвинул. Приникнув

к окуляру, убедился, что его предположение подтвердилось. Подозвал Дона.

— Что ты видишь?

— Рвущиеся в клочки прямоугольники. Объясни же наконец, Ал, что все это означает?!

— По формуле это разновидность антибиотика. С очень сильным и быстрым действием.

— Откуда эта штуковина берется?

— Отовсюду. Она тончайшим слоем лежит на растениях, на камнях. Она растворена в воде, ее пылинки носятся в воздухе.

Дон в недоумении пожал плечами.

— Да, но как ты объяснишь...

— Я не в состоянии ничего объяснить. Я лишь установил факт. Но вот тебе следующий сюрприз. — Он указал на кучки осколков, которые отбил от валуна.

— Я произвел полный спектральный анализ и обнаружил, что камни здесь — из пластика!

Некоторое время они не произносили ни слова. Потом Ал сказал:

— Стерильная почва и искусственные камни и скалы — это ни на что не похоже. Но самое поразительное — наше происшествие над городом... Воздушный поток? Или какая-то сила? Нечто вроде антигравитации? Зачем этот защитный щит?

— Ну тут двух мнений быть не может — для защиты города. Туда нет пропуска никому. Наверное, это устройство работает еще с тех времен, когда здесь была жизнь...

— Возможно. А о другом ты не подумал? Не мог ли Джек?..

— Джек? Гм... с него станется. Но как ему удалось?

Вдруг произошло что-то необычное, в первый момент не поддающееся никакому описанию... Воздух содрогнулся от тонкого, высокого звука. Подобно молнии, сверкнул раскаленный добела шар, послышался вой и наконец — глухой удар. Все выглядело как прежде, но в обращенном к ним склоне ближайшей возвышенности появилась черная воронка.

Все трое стояли, пригнувшись, словно ожидая чьего-то нападения. И вдруг наступившую тишину прервал возглас Ала:

— Есть, понял!

— Что ты понял? — хрипло переспросил Дон.

— Как нам завтра проникнуть в город!

— Да? Ты о чем?

— То, что мы сейчас видели, было падением метеорита. И воронки — это кратеры метеоритов. Ты видел вблизи города воронки?

— Не припоминаю.

— Зато я хорошо помню: там их нет. Теперь я понял, для чего нужно отталкивающее силовое поле: это щит против метеоритов, которые здесь, очевидно, падают часто. Значит, город защищен только сверху, а снизу, под этим «щи-

том», есть проход. Ведь были же прежде дороги, ведущие в город и обратно.

Дон радостно хлопнул Ала по плечу:

— Дружище! Значит, это диковинное силовое поле устроено не против нас!

— Похоже на то.

На другой день они снова отправились в путь на вертолете. Дон приблизился к городу на бреющем полете и приземлился сразу же, как только ощутил сопротивление. Они вышли из вертолета и медленно направились в сторону города. Ал оказался прав! Здесь, внизу, проход был свободен!

Снизу город выглядел иначе, чем с высоты птичьего полета. Сходство с городскими строениями оказалось чисто внешним, и только свободная планировка кварталов напоминала зеленые зоны земных городов.

Они остановились перед группой зданий и смогли хорошо рассмотреть их. Большая часть домов имела гладкие и закругленные фасады из зеркального с цветным отливом материала. Фасады были самой высокой частью зданий, чем дальше назад, тем ниже и уже становились дома.

— Чисто сработано, — сказал Дон. — И ни одного окна. Словно бункеры. Что скажешь?

— Может, это складские помещения?

Они прогулялись вдоль двух вытянувшихся в длину строений. Все вокруг заросло густой травой, только вдоль самих домов имелись узкие дорожки. Катя отошла на несколько шагов в сторону, чтобы пройти по такой дорожке.

— Какие они неудобные! — сказала она.

— Я тоже обратил внимание, — подтвердил Дон. — Эти люди, похоже, понятия об улицах не имели. Не соображу только, как они...

Шипящий звук и крик Кати заставили его замолчать. Оглянувшись, он не увидел никого.

— Где Катя? — закричал Дон.

Оба побежали к зданию, где только что стояла Катя, обследовали стену, но ничего не обнаружили.

И тут Ал услышал неясное шипение, что-то перед ним раздвинулось, и его втянуло внутрь. Тщетно пытался он удержаться за край стены. Неизвестная сила мягко усадила его на сиденье, зажегся приятный желтый свет. Его подняло вверх по плавной спирали, а желтый огонь бежал впереди. Как в калейдоскопе, появлялись перед ним картины, цветные узоры, пульта управления, фигуры из проводов... Потом импровизированный лифт остановился. Ал осмотрелся. Рядом с ним, закрыв лицо руками, сидела Катя.

Ал хотел подняться, но что-то мягко удержало его. Он наклонился сколько мог и прошептал Кате на ухо несколько слов, чтобы успокоить ее.

И вдруг рядом с ними появился Дон.

Все трое сидели, уставившись перед собой, и ничего не видели, ничего не слышали, ничего не чувствовали.

Ал первым пришел в себя. Повернувшись к друзьям, он сказал:

— Эта зеркальная стена с цветным отливом — окно или телеэкран.

Дон попытался встать, но ему, как и Алу, это не удалось. Тогда он вытянул вперед руку, и вдруг из пола рядом с его креслом вырос пульт управления. Он нажал на первую попавшуюся кнопку... спинки их кресел медленно опустились вниз. Сейчас они лежали, глядя в потолок, и не могли подняться. Дон снова нащупал пульт... и нажал на следующую кнопку... погас свет...

— Перестань! — крикнул Ал. Но было поздно... Нечто податливое, но сильное коснулось его, принялось мять, растягивать и растирать тело. Он попытался освободиться, но из этого ничего не получилось, те же невидимые руки сдавливали его, растягивали, массировали...

И вот отпустило. Его окружили фиолетовые сумерки... Он чувствовал, что устал, устал безумно...

— Ал!..

Он с трудом очнулся.

— Да проснись же ты! Нам необходимо выйти отсюда!

— Должна быть кнопка и на такой случай. Только, прошу тебя, не включай снова массаж.

Дон потянулся к пультам управления. Снова зажегся желтый свет. Раздвинулся светлый прямоугольник...

Ал снова стоял перед зданием, прислонившись к стене. Рядом с ним Катя. За спиной раздалось знакомое шипение... Пошатываясь, к ним вышел Дон.

— Теперь что? — спросил Ал.

— Пойдем к центру, конечно, — ответил Дон.

Они блуждали между строениями, благоразумно стараясь не приближаться к ним вплотную. Все здания имели одинаковую форму вытянутой капли, все они были сооружены из белого или желтоватого материала. По-прежнему к ним были обращены выпуклые, блестящие, как перламутр, фасады, в которых отражалось размытое очертание солнца. Лишь изредка они наталкивались на серые здания-кубы.

Заметив, что Катя утомилась, Ал предложил Дону передохнуть.

— Согласен, — буркнул Дон, который и сам был не прочь перевести дух.

Ал увидел невдалеке странное, не похожее на другие, серое здание и осторожно подошел поближе. Входной двери он не обнаружил, но по опыту знал уже, что это вовсе не означает, будто входа вообще нет. Медленно обошел вокруг дома. Когда вдруг распахнулась небольшая дверца и какая-то сила втянула его внутрь, он не особенно удивился.

Ал оказался в комнате перед круговым экраном в человеческий рост; экран сразу же засветился, и появились первые кадры — знакомые ему белые строения. Ал мгновенно сообразил, что это вид с крыши здания-куба. Оглядевшись, быстро обнаружил пульт с несколькими кнопками и рычажками. Чуть поколебавшись, нажал на верхнюю левую кноп-

ку... Едва заметный наплыв — и картина изменилась. То, что подсказывал ему инстинкт, и то, что он увидел, соединилось в одну понятную и объяснимую картину: он ехал. Не зная как и куда, но ехал. Мельком увидел Катю и Дона, их испуганные лица крупным планом появились перед ним, он даже слышал их крики.

С величайшей осторожностью он нажимал на кнопки и трогал рычажки. И наконец приноровился увеличивать и уменьшать изображение на экране, ускорять, замедлять и останавливать передвижение, или, если сказать точнее, полет. В самом низу находилась одна-единственная кнопка. Скоро Ал убедился, что она служила для того, чтобы известным уже способом высаживать пассажиров из «повозки».

Прежде чем выйти из «повозки», Ал внимательно все осмотрел. Сбоку от кнопок и рычажков заметил небольшой чертеж, покрытый сеткой из концентрических окружностей. На чертеже были отмечены три точки. Две из них, синяя и зеленая, как будто прочно сидели в чертеже. А третья представляла собой красную пластинку, которую можно было перемещать по линиям чертежа.

И тогда ему все стало ясно. Он снова привел «повозку» в движение и увидел, что синяя точка начала перемещаться. Затем передвинул красную пластинку прямо к зеленой точке. Воздушная «повозка» свернула за угол, а синяя точка на чертеже повторила тот же маневр. Сомнений не оставалось: этот чертеж был картой города с отмеченными на ней путями сообщения. Им овладело чувство радости: он знал, как управлять «повозкой».

Не прошло и десяти минут, как он вернулся к своим спутникам.

— Идите сюда, — позвал он. — Ходить пешком нам больше не придется!

— Здорово мы перепугались, когда ты пронесся над нами...

Ал был в прекраснейшем настроении.

— Маленькая пробная поездка! — объяснил он. — Залезайте! Удобно тут — лучше не придумаешь!

Ал объяснил Дону систему управления, и тот повел «повозку» к центру города.

— Я думаю, в земле проложен ведущий рельс; очевидно, эта штука соединена с ним через радар. Оттуда же, снизу, она, наверное, и получает энергию. Как бы там ни было, от линий, заданных на чертеже, она уклониться не может.

Дон не замедлил проверить предположение Ала и, удивившись в его правоте, сказал:

— Ну ладно, пусть эта коробка себе катится. Нам ведь все равно недалеко — скоро как будто центр.

Через несколько сот метров «повозка» остановилась, и их вынесло наружу.

— Теперь я знаю, почему эти рельсовые дороги здесь заканчиваются. — Дон очертил в воздухе кольцо и продол-

жил: — Город, надо полагать, разрастался от центра по радиальным линиям. И жители скорее всего монтировали потом одну кольцевую линию за другой.

— В зданиях мы никаких следов жителей не видели. Куда они могли деться? — спросила Катя. — Твоя теория, во всяком случае, не подтверждается.

— Какая еще теория? — раздраженно спросил Дон.

— Ну что жители, мол, сами себя уничтожили. Дома последних поколений стоят новехонькие!

— Вопрос в том, — сказал Ал, — куда ведет развитие разумных существ, если они преодолели так называемую «фазу саморазрушения». Ты ведь сам не веришь, Дон, что мы, земляне, единственные, кому это удалось?

— А вдруг они вымерли сами собой?

— По-твоему получается так: когда они достигают положения, при котором им некого опасаться, когда могут удовлетворить все свои желания, когда перед ними не стоит существенных проблем — для них, так сказать, продолжение жизни становится бессмысленным? Они просто ложатся и умирают, да?

— Останемся каждый при своем мнении, — взорвался Дон. — Предлагаю подумать, как нам взобраться вон на ту башню, — он указал в сторону стоявшего на возвышении куба с башней. Куб был значительно выше большинства остальных зданий.

Дома сблизились, образовав внутреннее пространство, которое можно было назвать улицами. Одни высокие, другие маленькие. И все они давно обветшали. Краска на стенах облупилась, ниши и углы домов были завалены истлевшим мусором, из продолговатых отверстий, бывших, очевидно, некогда окнами, свисали клочья прозрачной ткани.

Но видны были и разрушения: проломы и вмятины в стенах, обуглившиеся руины. Здесь не росла больше трава, дорога была покрыта мусором. Она неожиданно оборвалась перед котловиной, присыпанной сверху желтой пылью.

— Кратер метеорита! — воскликнула Катя. — А я-то думала, что город от метеоритов защищен!

— А вдруг это следы бомбежки? — сказал Дон. — Что, если эта бомбежка производится автоматически? Что, если автомат не отключен и по сей день?

Вскоре они оказались перед зданием с башней. Хотя и здесь были видны следы запустения, внешне дом казался достаточно крепким. И в отличие от других зданий дверь здесь они обнаружили без труда.

Башня была высотой этажей в тридцать, не меньше. Купол блестел и отливал разными красками, изнутри он был прозрачен и обладал поразительным свойством подчеркивать пластичность рассматриваемой картины. Звезды висели перед ними ступеньками, один слой за другим. Мириады звезд, и до них — рукой подать!

Немного погодя Ал подошел к ящичку, стоящему на подставке посередине купола. Он осторожно повернул одно из колесиков. Угол обзора на экране сместился, и всем почудилось, будто они стоят среди звезд. Светила сбивались в

гиперпространстве в пестрые облака, спирали, кольца, между ними сновали кометы, пульсировали ступни звездной пыли.

Ал вернул колесико в прежнее положение. Взялся за ближайший рычажок и опустил его. С головокружительной быстротой навстречу им помчался тот ландшафт, который они могли наблюдать из башни невооруженным глазом! Дома, башни и мосты поднимались к ним, подобно огромным театральным декорациям, а потом, на последней грани увеличения, распадались в ничего не значащие точки, вместо них появлялись новые строения на фоне четко очерченных театральных задников.

— Стоп! — рявкнул Дон.

Они вдруг увидели типично земные, человеческие движения — покачивание тела при ходьбе, сгибающиеся колени, переставляемые ноги, болтающиеся руки... Каждая деталь была видна совершенно отчетливо.

— Джек! — опять крикнул Дон. — Вот тот, впереди — Джек, сзади и сбоку за ним — Рене... А вон идут и Тонио с Хейко! Где они находятся, можешь установить?

Ал уменьшил изображение и получил примерное представление о том, на каком расстоянии от них вторая группа и в каком направлении движется к центру города. Вот она исчезла за длинным невысоким строением.

— Черт побери! — воскликнул Дон. — У Джека нюх подходящий. Как далеко они от нас? Километр? Два?.. Потрапливайтесь, иначе они нас опередят!

И вновь они шли к центру города. Дома сбивались все плотнее, улочки делались все уже. Другьям приходилось то и дело менять направление, идти в обход.

Наконец они достигли высокого узкого дома, примыкавшего к огромной стене, сложенной из простых, необработанных камней, скрепленных сырой известью. Вверху стену увенчивал зубчатый пояс, достигавший, казалось, самого неба.

— Крепостная стена, — сказала Катя.

— Мы попали в средневековье, — подтвердил Ал.

— Должна же быть какая-то возможность перебраться через нее! — воскликнул Дон раздраженно.

— Любопытно, как выглядели существа, населявшие город? — спросила Катя.

— Не думаю, чтобы они совсем не были на нас похожи, — ответил Ал.

— С чего ты взял? Разве они с таким же успехом не могли напоминать огромных лягушек, муравьев или пингинов?

Ал весело рассмеялся:

— Из их технических устройств многое можно уяснить. Не забывай, что кресла-диваны прекрасно подходили к форме наших тел, что пульта созданы для ручного управления — ручного! — что на экранах возникали кадры, безукоризненно различаемые нашими — нашими! — глазами.

Высота окон и дверей мало чем отличается от наших. Здесь, правда, в домах нет лестничных маршей, но по спиральным дорожкам вполне можно подниматься, пусть это для нас и непривычно.

Дон участия в разговоре не принимал. Его внимание приковала к себе стена. У стены громоздились груды мусора, окруженные кустарником, а по стене до самой зубчатой кромки карабкались вверх лианы.

Дон перелез через одну из куч, подергал лиану и начал подъем. Оказавшись наверху, он испустил возглас разочарования.

— Поднимайтесь сюда! — позвал он. — Проку мало, но поглядеть стоит!

Они увидели глубокий котлован, залитый водой; серо-зеленая поверхность была недвижимой.

— Может, пройдемся по стене? — предложил Дон.

И они пошли по ней, два раза свернули и оказались на ровной платформе, ограниченной парапетом. Отсюда вниз уходила лестница, и там, внизу, происходило что-то странное. Из выпуклых ворот в городской стене выехали две шеренги закутанных в плащи существ и выстроились по правую и левую стороны затененной стеной двора. В руках они держали горящие факелы. Затем ворота вытолкнули странного всадника: тело его было скрыто за серыми доспехами, на голове — шлем; животное, на котором он сидел, напоминало большую серую ласку. С другой стороны выехал другой всадник, под стать первому, но в белом. У обоих были в руках предметы, очень похожие на плетки, только куда более массивные. Они на миг остановили своих животных, а затем, размахивая «плетями», ринулись друг на друга. При каждом точном ударе рассыпался сноп искр и слышался звук короткого хлопка.

— Электрические плети, — прошептал Дон.

Они забыли обо всем, кроме зрелища, развертывавшегося у них на глазах. «Плети» мелькали в воздухе, слышались щелчки ударов. Соперники пошатывались в седлах, было заметно, что силы обоих идут на убыль, и вдруг серый рыцарь упал, белый поднял «плеть» и поскакал в сторону ворот. Закутанные в балахоны всадники медленно и вяло затрусили за ним. В последний раз вспыхнули факелы. И площадь перед ними погрузилась в темень. Привидения исчезли.

— Они еще живы, — сказал Дон. — Они играют в рыцарей — значит, впали в детство! У нас с ними трудностей не будет! Вот бы спуститься туда! А ты, Ал, опять за свои опыты?

Ал выломал из стены камень. Размахнулся и швырнул его в воду. Внимательно наблюдал за его падением. Потом проговорил с огорченным видом:

— Жаль, слишком темно!

— Ты что-то обнаружил? — поинтересовалась Катя.

— Да, — ответил он. — Но пока не могу ничего доказать.

Через несколько минут они прошли по узенькому переулку и оказались на широкой площади. Слева площадь сужалась, и там виднелось черное полукружие ворот.

Они шли осторожно вдоль домов и вдруг услышали странный скрип. Потом снова тишина.

— Здесь кто-то был!

Ал указал на полоску, шедшую наискосок через пыльную площадь к воротам. Дон присел на корточки, чтобы разобраться.

— Это Джек и его группа, — тихо проговорил он. Повернулся к Алу. — Посмотри на этот след. Они нас опередили! Они здесь уже побывали!

Ал подошел к нему поближе.

— Хорошо, пусть они здесь уже были, но задачи своей они еще не решили, и вопрос о победителе пока остается открытым.

— Вперед! — сказал Дон. — Они не могли уйти далеко!

Вскоре друзья прошли в проем, похожий на ворота средневекового города. Рядом в старой стене был оставлен узкий проход. Следы группы Джека шли как раз посередине прохода.

— Осторожно! Не затопчи следы! — предупредил Ал.

— На что они тебе сдались? — спросил Дон, как всегда, пренебрежительно.

— Следы идут в обе стороны. Выходит, они вернулись. Прошли сперва по тому вот крутому мосту, а потом вернулись.

Вдруг Катя закричала:

— Почему мы здесь застряли? — Голос ее звучал надрывно, он резал слух. Она взбежала на мост. Дон бросился за ней, Ал, забыв о споре, побежал следом за ними.

Ал видел впереди только мечущуюся тень Кати и поэтому не осознал сразу, что вдруг произошло. На мосту взметнулось пламя и разверзлась дыра с зазубринами — прямо перед бегущей Катей. Брызгами разлетелся фонтанчик камней, и согнутое тело девушки исчезло в этой дыре. Громыкнуло еще трижды, но только один снаряд коснулся моста, заставив его закачаться и задрожать. Ал едва удержался на ногах. Сейчас он разглядел, откуда стреляют: из окон башни над мостом.

Дон, словно окаменев, стоял на мосту всего в семи метрах от дыры, и Ал потащил его за собой. Неповрежденной осталась узенькая полоска моста, но и по ней уже побежали трещины, они оба увидели это и осторожно перебрались по ней на другую сторону котлована.

Они отбегали дальше, пригнувшись за парапетом, — пусть хоть с одной стороны будет прикрытие... Что-то зашипело над ними. И вдруг чудовищный хохот посреди ночи.

Дон резко остановился.

— Ал, дружище! — начал Дон, с трудом сдерживая радость. — Это Джек с его людьми! Ал, старина, ты понимаешь, что это значит? Джек позади нас! Мы первые! Мы первыми доберемся до центра! Мы победим!

Все дальнейшее произошло мгновенно. Алу удалось рвануть Дона за плечо и самому устоять на ногах. Мост обрушился.

— Все кончено, — прошептал Дон. — Мы в западне.

— Теперь понятно, почему они повернули назад.

— И все-таки как попасть в этот чертов город...

— Мне совершенно безразлично. Мы проиграли. Джек может сделать с нами все, что захочет. Думаю, придется сдаваться.

Они медленно пошли обратно.

Дон сложил ладони рупором и крикнул:

— Джек, ты победил! Мы сдаемся!

Тут раздался голос Джека:

— Привет, Дон! Хорошо, что ты так решил! Подойди поближе, только не торопись!

И вдруг опять что-то сверкнуло, что-то упало рядом с ними. Ал почувствовал удар по руке, ощупал левой рукой правую, испугался: какой широкий порез!

Дону один осколок попал в грудь, другой в бедро.

— Джек, ты свинья, — заорал Дон, — ты свинья, свинья!.. — Чертыхаясь от боли и злости, он бросился к свободной площадке перед мостом... потом влево, навстречу выстрелам... Он подпрыгнул, подтянулся на руках до нижней части окна... Подтянулся еще выше... в какое-то мгновение его лицо оказалось перед самым окном... но снова вспышка... Тело его рухнуло вниз...

Ал тоже побежал под градом осколков, но по направлению к воротам. И он добрался до них. Сердце его забилось чаще, он даже ощутил радость от этой бессмысленной борьбы.

За колонной послышался шелест...

— Ал, это ты?

Он вскочил, обжал колонну, занес уже ногу, чтобы ударить противника.

— погоди, Ал... погоди!

Готовый к подвоху, он все же помедлил.

— Это я, Рене... послушай, Ал! Я хочу тебе помочь!

«О чем это он? О какой помощи говорит?»

— Что бы там ни было... Джек зашел слишком далеко. Я ужоу от него. И хочу помочь тебе.

— Чем именно? — спросил Ал.

— Тут есть боковой проход. Пошли, я покажу!

Они протиснулись в дверь, огляделись. Пробежали под стеной несколько метров и снова остановились.

Прямо перед ними упало что-то круглое, огненное. И они даже не успели ничего понять: их разорвало на куски.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

— Итак, мы на месте, — сказал Дон.

— И ничто не изменилось, — заметила Катя.

— А что могло измениться? — спросил Ал.

Утром они вышли из своего лагеря и теперь, около по-

лудня, оказались перед стеной. С ними был Рене. Они стояли на том месте, где лестница вела к смотровой площадке.

— Надеешься, что здесь выйдет? — спросил Рене.

— С такой же долей вероятности, как в любом другом месте, — ответил Ал. — Я не думаю, что препятствие существует само по себе...

— Вспомни о мосте! — удивилась Катя.

— Я думал о нем. Мост обрывается. Все так. Но все объясняется просто: такой старый мост в центре города ни к чему.

— Не понимаю, — буркнул Дон.

— Прделаем вместе один опыт, — предложил Ал. — Пойдемте со мной!

Он поднялся по лестнице, подождал, пока подойдут друзья, а затем указал им на одно место в правой части парапета: там была блестящая кнопка серого цвета. Ал осмотрел левую часть парапета и на той же высоте нашел идентичную кнопку.

— А теперь смотрите внимательно! — попросил он.

Двор, где некогда происходила странная дуэль, предстал сейчас перед ними как темная пропасть. Как и в тот раз ими овладело странное, угнетенное настроение, в воздухе звучали непонятные шорохи, что-то дребезжало, бухало и свистело, стучало и позванивало, слышались глухие крики, ветер нес отголоски топота и восклицаний.

А потом вновь появились закутанные в черные плащи всадники со своими факелами, сверху походившие на слабые блуждающие огоньки, и оба рыцаря — тоже... Все повторилось: и дуэль на «плетях» и победа белого рыцаря...

Рене, впервые увидевшему это зрелище, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от удивления.

Дон воскликнул:

— Все в точности как тогда! Ни единого нового движения! Ал, это что — театральное представление?

— Что-то вроде. Или разновидность кино. Полнейшая иллюзия достигается с помощью технических средств. Публика появляется на смотровой площадке, одна из селеновых клеток, — он указал на кнопки в парапете, — регистрирует это, передает сигнал по линии — и начинается спектакль.

— Как ты догадался? — спросил Дон.

— В старой телеленте я видел нечто похожее. Движущиеся фигурки были спарены с часовым механизмом. Ровно в полдень они выдвигались по рельсикам вперед и исполняли маленький танец — движения были весьма своеобразными, как у марионеток. А затем все исчезало. Я считаю: ничего этого не существует.

Он полез в карман и достал несколько камешков.

— Смотрите!

Размахнувшись, швырнул камень. Тот долетел до воды и исчез. Рене что-то показалось неправдоподобным, но он не знал, что именно. Камень летел... а потом исчез — чего-то не хватало. Да, верно: он не плюхнулся в воду. Ни всплеска, ни брызг, ни разошедшихся кругов...

— Здесь нет воды, — сказал Рене. — Вода — тоже видимость. И дома, улицы, холмы...

— Все это декорации, — завершил Рене.

Дон прогиснулся между Катей и Алом, открыл пластиковую коробку, которую прихватил с собой, и вынул из нее смоганную в тугой клубок лестницу.

— Я пойду первым.

Он перелез через парапет и начал спуск. Коснулся ногой зеркальной глади, погрузился в «воду», но никакой влаги не ощутил. Нырнул с головой и понял: здесь можно дышать...

Спустились и Ал с Рене. Катя наблюдала, как все трое исчезли в темной, переливающейся массе. Все произошло пугающе тихо, на поверхности — ни движения. Лестница дрогнула еще несколько раз и тоже замерла.

Потом голос снизу позвал ее. Она спустилась по лестнице, с головой погрузилась в «воду»... И тут что-то замерцало, закрутилось, обрело четкие формы...

От «воды» не осталось и следа. Катя вместе с другими оказалась на матовой металлической поверхности, прилегавшей прямо к стене, а там, где прежде были средневековые рунны, стояли воздушные строения со стеклянными крышами, опиравшиеся на тонкие, с карандаш, опоры. Повсюду тянулись стенки из переплетений проводов, сбегались и разбегались трубы, торчали антенны, на высокой реечной конструкции было установлено параболическое зеркало.

Это и был истинный центр города. Его чудовищное, мерцающее машинное чрево.

— Совсем другое дело, — проговорил Дон. — От старого города, или его зеркального отражения, следа нет.

— Мне здесь не по душе, — пробурчала Катя.

— Надо еще попытаться, — произнес Ал. — При этом не следует забывать, что нас могут подстерегать опасности. Здесь есть...

— Ты считаешь, что они еще живы? — перебила его Катя, невольно отступив к лестнице.

— Я думаю, что их цивилизация путь свой прошла до конца. Но мы не знаем, как пошло их развитие на последнем этапе пути. А потому мы наверняка столкнемся здесь с предметами, никогда и никем из землян не виданными, с машинами, назначение которых нам неизвестно...

— В чем может быть назначение машины? — сказал Дон. — Нажимаешь на кнопку — и она делает то, что ей положено.

— Что ей велит программа, — поправил Ал. — А если она сама себе задаст программу?

— Боишься, что на нас нападут? — спросил Дон. — Самая большая опасность — это Джек. Он наверняка уже здесь. И если еще не у цели — наше счастье. А теперь высьжись ты, Ал. Чем объяснить это колдовство?

— Я полагаю, что старый город со всеми его строениями, фигурами и представлениями — это аттракцион. Ско-

рее всего на стене есть и другие смотровые площадки, откуда можно наблюдать...

— Я хочу повторить свой вопрос, — нетерпеливо проговорил Дон. — Какую опасность могут представить для нас эти машины?

— Откуда я знаю?!

Рене сделал шаг вперед.

— О каких опасностях идет речь? Эти устройства созданы для разумных существ, и чем они усовершеннее, тем полнее удовлетворяют потребности своих хозяев.

— Ничего похожего я не вижу, — сказала Катя, поднимаясь. Здесь даже скамеек и тех нет. Будь твоя правда, нам по крайней мере подали бы такси.

Катя отошла на несколько шагов от стены и оказалась на широкой улице с решетчатыми конструкциями по обеим сторонам. И тут к ней плавно подкатила серого цвета лодка. Борт лодки открылся, выдвинулась доска.

— Чудненько! — воскликнула Катя. — И сразу шагнула на доску. — За мной!

Дон улыбнулся и пошел за ней. Затем на доску ступил Рене. Алу ничего не оставалось, как тоже сесть в лодку. Дон пробрался вперед, где сквозь ветровое стекло можно было наблюдать за движением.

— А где же пульт управления?

Никакого пульта управления не было.

Доска-сходня втянулась внутрь, раздвижная дверь закрылась. Лодка тронулась с места.

— Боюсь, мы попали в плен! — воскликнул Дон.

— И как нам выбраться отсюда?

— А никак. Лодка сама остановится, где будет нужно.

Так оно и случилось. Лодка вскоре замедлила ход, затем как бы зависла в воздухе, дверь ее открылась. Неподалеку высилась ступенчатая конструкция, внешне напоминающая буровую вышку, Ал спрыгнул на землю и пошел к вышке.

Вскоре он оказался высоко над крышами домов. Его друзья превратились в маленькие, с трудом различимые сверху точки. Он постарался сориентироваться. Парящая лодка доставила их в северную часть центра города. Здания с их металлическими и стеклянными крышами были расставлены в котловине в строго определенном порядке. Плоское дно котловины лишь в одном месте имело возвышение: Ал предположил, что именно там, в старой части города, находился холм с руинами замка.

Спустившись, он рассказал об увиденном товарищам.

— У меня появилась идея, — заявил Дон. — У Джека — фора в три дня. Попытаемся же обнаружить его группу и подсмотрим, чем она занимается. Тогда нам самим не придется тратить время на то же самое, и мы сэкономим три дня. Котловина невелика, скоро мы наступим Джеку на хвост.

Они быстро убедились, что и здесь нет улиц в земном понимании этого слова. Часто им встречались отдельно стоящие башнеобразные строения, а иногда такие же «баш-

ни» сбивались в кучи, образуя ландшафт, сильно напоминающий лес.

В который уже раз они оказались перед препятствием — огромным зданием.

— Похоже на фабрику, — заметил Дон.

Они вошли внутрь, ступили на некое подобие дорожки. Ее ровная полоса последовательно проходила между отдельными строениями, похожими на огромные машины.

— Узнать бы, для чего они, — сказал Дон.

— По канавкам наверняка что-то должно сползать или стекать, — объяснил Рене. — Отверстие, похоже, — калибрующее устройство, а внизу с обработанным материалом что-то происходит.

— А вот возьмем и проверим! — Ал бросил вниз камень.

Послышался резкий удар, камень подпрыгнул, упал в канавку, покатился по ней вниз в отверстие у нижнего конца ленты...

Вдруг воздух прорезал высокий поющий звук, продолжительный и ровный. Друзья замерли в удивлении. Двенадцать больших раскаленных шаров поднимались как мыльные пузыри из двенадцати воронок. Там, где исчез камень, задвигались лопасти турбин, что-то глухо перекачивалось. Части машины будто встряхнуло изнутри: колеса сцеплений завертелись, шарниры изогнулись, валы завращались, защелкали реле, затрещали искорки.

Затем камень показался на вибрирующей дорожке, похожей на колокол устройство из мелкоячеистой проволоки подняло его и сбросило над ямой. Снизу послышались прерывистые шипящие звуки, где-то, на неизвестной глубине, начала преломляться мягкая синева излучения Черенкова.

— Атомный распад, — прошептал Рене. — Силы небесные!

Друзья продолжали путь, пытаясь отыскать выход из этой «фабрики».

Но вот Дон, шедший спереди, поднял руку.

— Стойте! Тихо! Впереди Джек с группой. Нам нельзя попадаться им на глаза.

Они укрылись за строением, похожим на пирамиду. Дон выглянул из-за угла.

— Вон стоят Джек, Хейко и Тонио!.. Совещаются. Очень удобный случай. Надо проследить за ними.

Осторожно поднявшись на небольшую площадку, равномерно усеянную прямоугольными отверстиями, они легли и стали ждать.

Снизу донеслись звуки шагов. Послышались голоса:

— Где-то здесь гремело. Мой слух меня никогда не подводит!

— Но что это могло быть?

— Осмотрим хорошенько все вокруг...

Дон заглянул вниз, предостерегающе поднял руку.

— А не имеет ли смысла, — Ал запнулся, — договориться с ними?

— Что ты несешь? — зашипел Дон.

— Если мы объединимся, то сможем добиться больших результатов...

— А кто же тогда будет первым?

— Дон, разве ты не понимаешь? Речь идет о куда более важном. Мы обязаны разгадать тайны этой планеты. Может быть, мы проникнем в суть проблем, важных для всего человечества. Ведь тут...

— Умолкни! — Дон подполз к краю площадки и поглядел вниз. — Они совсем близко. Совещаются о чем-то.

Вскоре послышались шаги и голоса.

— Где-то здесь...

— Не мог ошибиться...

Потом шаги снова удалились.

Быстро наступала ночь. Тени исчезали. Машины теряли свой блеск, их ребристые очертания смягчались.

— Слезаем вниз! — приказал Дон. — Сядем им на пятки, не то они улизнут от нас!

Поддерживая друг друга, они благополучно спустились. Откуда-то из отдаления доносились шорохи.

— Вон там, сзади! — прошептал Рене. — Поторапливайтесь!

Они перебежали через дорожку, светлой полоской петляющую между спящими громадами машин.

Катя двигалась легко, но неожиданно споткнулась и схватилась за винтовую лесенку. Мягкий металл задрожал, раздался такой звук, будто рванули струну. И сразу послышался голоса, топот шагов по металлу...

Дон растерянно огляделся вокруг.

— Сюда!

Он спрыгнул с дорожки на широкий металлический козырек и пополз по его неровной поверхности. Ал спрыгнул следом, подал руку Кате и Рене.

А внизу — три силуэта...

Дон удалился от своих товарищей на порядочное расстояние, они поспешили за ним, чтобы не потерять его из виду. Он попытался перевалиться через какое-то невысокое препятствие... И тут Дона подхватили громадные металлические грабли, раздался его душераздирающий крик...

Воздух снова наполнился звуками — поющими, резкими, без перерыва, без повышения и понижения тона. Над металлической поверхностью пронеслось ярко-голубое пламя. Двенадцать шаровых молний запульсировали равномерно, словно повинуясь такту метронома... Задвигались поршни, засвистели лопасти турбин, застонали цепи передач, затрещали фейерверки вздымающихся искр...

— Атомный распад, — ужаснулся Рене.

Он стоял у ленточного конвейера, на который ступил Дон, и видел, как тот исчез в черной дыре, как появился вновь. Какой-то ковш пронес его над системой сит, потом он покатился между широкими отверстиями последнего сита и упал в одну из канавок. Тщетно пытаюсь обрести равновесие, он скользнул вниз, исчез в одном из отверстий. Несколько дальше его снова «выплюнуло», затрясло на вибрирующем

механизме, потом появилось что-то вроде ловушки из сплетенной проволоки, схватило его, подбросило и швырнуло в одну из тех ям, в которых они несколько часов назад наблюдали голубое свечение...

Наверху послышались шаги. Джек, Тонио и Хейко удалялись, не тревожась о судьбе остальных членов группы Дона.

Рене нашел Ала и Катю, стоявших с совершенно потерянным видом у края ленточного конвейера, и они, не прозвонив ни слова, вышли из здания. Над их головами мерцали звезды чужого неба.

На другое утро их разбудили чуть свет. Кто-то откинул полог палатки, и громкий голос протрубил:

— Эй вы, сони! А ну поднимайтесь! Все на воздух!

Катя перепрыгнула через лежащих еще Ала и Рене и бросилась на грудь Дону.

— Привет, Катя! Ну что скажешь? Ал, Рене, сони вы эдакие!

Ал протирал со сна глаза.

— Ты откуда взялся?

— Да вылезайте вы, черти! — закричал Дон. — Ничего со мной не случилось!..

— Рассказывай же!

— Значит, так, — начал Дон, — когда я хотел перебежать дорожку конвейера, меня подхватили огромные грабли и впихнули в боковой вход. Несколько раз меня останавливали — просвечивали, опрыскивали, обдували, и все в таком роде. Потом понесло куда-то, завертело, а затем швырнуло в какую-то воронку. А под конец меня что-то приподняло и бросило вниз. Приземлился в мягкую, податливую ткань, сеть распуталась — и я оказался на свободе. Вот и все!

— Похоже, мы имеем дело с установкой для расщепления атомов, — начал Рене, — с чем-то вроде преобразователя материала.

— Почему же меня не превратило в слиток золота? — спросил в шутку Дон.

— Наверное, сработало предохранительное устройство.

— Очень даже может быть, — подхватил Ал. — Подобные супермашины и у нас конструируются таким образом, чтобы они не повредили человеку.

— Чудесно! — подытожил Дон. — Тогда нам незачем их опасаться, и мы можем целиком сосредоточиться на Джеке. Мне пришла в голову одна мысль. Слушайте!..

Несколько минут спустя они шли уже вдоль городской стены. Вскоре достигли площади и через ворота попали на подвесной мост. Они прошли под широким пролетом и открыли дверь, ведущую в здание с тыльной его стороны. За дверью оказалось что-то вроде музея. На стенах висели орудия пыток и самое разнообразное оружие.

Ал поднялся на второй этаж и через неширокий люк выбрался на плоскую крышу. На балюстраде стояло несколько огнестрельных орудий на колесах. Многочисленные свежие

полосы на пыльной крыше доказывали, что недавно орудия передвигали. Как видно, из них-то и стрелял Джек.

Ал снова спустился в музей. Несколько белых следов на стене свидетельствовали, что там еще недавно висело оружие. Теперь оно у Джека и его людей.

— Подыщите себе что-нибудь подходящее! — сказал Дон.

— По-моему, самое современное — вот это, — Рене указал на предмет, отдаленно напоминавший пистолет. — А вот и заряды для него.

Он сунул в отверстие ствола цилиндрическую гильзу и закрыл специальным клапаном. Подошел к окну.

— Внимание! Проводим испытание!..

Рене высунул оружие в окно, нажал на кнопку спуска. Раздался громкий хлопок. Во дворе от взрыва образовалась глубокая яма, булыжники разлетелись в разные стороны, и ветер относил в сторону белое облачко.

— Заряд со взрывчаткой, — сказал Рене уважительно.

— Недурственно, — произнес Дон. — Пусть каждый прихватит по такой штуковине. И вдоволь зарядов. Посмотрим, не пригодится ли нам еще кое-что...

Они пробыли там некоторое время, испытывая разное оружие. В конце концов каждый вооружился тем, что пришлось ему по вкусу. Дон облюбил себе оружие со взрывчатыми зарядами, сунул его за ремень и прихватил с собой еще дубинку, похожую на булаву. Ал тоже взял пистолет, а Рене — два. Для Кати это оружие было слишком тяжелым, и она закрепила на внутренней стороне куртки изящный кинжал в золотых ножнах.

— Теперь мы готовы, — сказал Дон. — И с лихвой вернем Джеку его аван!

Вооруженным старинным оружием, они являли собой странную картину на фоне ультрасовременных строений и машин. «Безумие это, да и только, — думалось Алу. — Неужели мы настолько закоснели, что не в состоянии ни к чему относиться всерьез и для нас не осталось ничего, кроме удовольствий и развлечений?»

Решив не ступать больше на территорию фабрики по преобразованию материи, они обошли вокруг нее и оказались на улице. Впереди возвышался холм. Они достигли его и стали подниматься по пологим склонам. Справа и слева стояли приборы, машины, высоченные столбы, на которые была натянута узорчатая проволочная паутина.

— Похоже на антенны, — пробормотал Рене. — Это что-то вроде центрального пункта управления их энергосистемы.

— А вот и дверь! — воскликнула Катя.

— Имеет ли смысл, так просто взять и войти? — спросил Рене. — А вдруг там западня?

Дон достал пистолет.

— Мы вооружены. Приготовьте свои пушки!

И без всяких колебаний прошел в щель в наклонной стене, которую Катя назвала дверью. Ход, в какой они попали, имел округлую форму диаметром примерно метра в три.

По потолку змеилась полоска, излучавшая мягкий свет. Вскоре они оказались в небольшом салоне.

— У них здесь свои «глаза», — буркнул Рене, указав на стеклянные линзы-полусферы, выступающие из стен.

— Это, возможно, центр управления городом, — прошептал Рене в почтительном испуге. — Его сердце!

Не заметив никаких следов группы Джека, они пересекли зал и направились дальше. Наконец в другом зале обнаружили размонтированную стену с электрическими выключателями.

— Они где-то совсем рядом!..

Дон неслышно скользнул в боковой ход, прошел его и оказался у выхода в соседний зал... Там они и стояли: высокорослый Джек в бежевом костюме, белых сапогах и белой фуражке, Тонио — брюнет среднего роста, подтянутый и ловкий, одетый во все голубое, Хейко, с его прической «ежиком», в серых брюках-галифе и короткой черной куртке. Они вели себя непринужденно, громко переговаривались. На пульты внимания не обращали, усердно копошась у одной из стен.

— Ну сейчас мы им насолим, — прошептал Дон. — Ал, Рене! Я считаю до трех, и мы все одновременно стреляем. И сразу бежим к другому выходу из зала, чтобы они не заметили нас и не поняли, что произошло...

Они тихонько продвинулись еще немного вперед для того, чтобы увеличить спектр обстрела.

— Итак, внимание: раз, два, три!

Грохнули выстрелы, поднялись плотные клубы дыма, зазвенели осколки... Ал и Рене бросились бежать к противоположному выходу из зала.

— Они попрятались за пультами, — крикнул Дон. — Заряжайте снова и стреляйте.

Дон нажал курок, с другой стороны зала тоже прогремел выстрел.

Дон был вне себя от радости.

— А-а, этого ты не ожидал, старина Джек! — крикнул он.

И тут что-то прожужжало за его спиной, из длинного коридора потянуло несильным сквозняком... появилась круглая плоскость, матовая сверху, с дырочками и ширмочками, из стены выдвинулась металлическая рука, два мягких, но прочных зажима обхватили его... Несколько мгновений он барахтался, но тут же неизвестная сила усадила его на мягкие подушки. Секундой позже рядом с ним оказалась Катя. Легкое скольжение. Скачок... Остановка. К ним подплыл Рене: еще одно легкое, едва ощутимое движение... и к друзьям присоединился Ал.

Они оказались внутри парящей лодки. Успели увидеть еще, как из-под одного из столов поднялись Джек и Хейко...

Лодка летела быстро, и ее пассажиры не могли ни остановить ее, ни свернуть, пока не оказались у городской стены, там, где висела их лестница. Открылась раздвижная дверь. Они вышли. Дверь закрылась, и лодка унеслась

прочь — только тень ее мелькнула в машинном лесу города.

Они стояли в полном недоумении, глядя вслед исчезнувшей лодке.

Дон первым нарушил молчание.

— Мы были у самой цели... и опять от ворот поворот! Проклятые автоматы! Почему они вмешиваются? Нанялись они, что ли, помогать Джеку?

— Не думаю, чтобы они приняли чью-то сторону, — пожал плечами Ал. — Машинам это несвойственно.

— Однако те трое спокойно возились у пультов.

— Джек и Хейко удивились не меньше нашего, — сказал Рене.

— Тогда почему автоматы снова помешали нам?

Ал предостерегающе поднял руку:

— Они нам не причинили никакого вреда. Их вмешательство было направлено не против нас, а против нападающей стороны.

— Удивительно, — проговорил Рене, разглядывая город. — Иногда я не уверен, что он действительно существует...

Ал сразу понял, что подразумевает Рене. Город вставал перед ними как непонятная абстрактная картина.

— Я спрашиваю себя, не простирается ли иллюзия много дальше, чем мы думаем, — сказал Рене и вдруг с неожиданной проникновенностью добавил: — Ал, ты уверен, что вообще это существует... ну, я говорю о том, что вокруг нас?

— Безусловно, — успокоил его Ал. — Возможно, оно на самом деле иное, чем мы себе представляем, но что-то, без сомнения, существует. И самое интересное: оно не только существует, но и влияет на свое окружение, может быть, оказывает влияние на будущее, а само является следствием прошлого. В нем заключены силы и еще неясные нам возможности... Здесь нам представляется возможность узнать побольше о том, что существует в мире помимо нас самих. Мы, конечно, не можем проверить точно, таковы ли явления в действительности, какими мы их воспринимаем. Ведь для того чтобы видеть, слышать и чувствовать, нам требуются волны, колебания и импульсы. Абсолютного нам не понять никогда, зато мы способны осмысливать взаимосвязи. Для нас не существует ничего абсолютного: абсолют — вообще мечта, иллюзия. Но взаимосвязи-то для нас существуют, они и есть для нас действительность...

— Какое поразительное чувство испытываешь, сталкиваясь с этими темными, чуждыми нам силами! — сказал Рене.

— Все не темные они. Я даже склонен думать, что разгадать их довольно просто, лишь стоит найти к ним ключик.

— Ты хочешь сказать, что они подчиняются простым предписаниям вроде классических законов для роботов?

— Пс правде говоря, я думал о другом, — ответил Ал. — Вероятно, то, что мы видим, — еще не все. За этим скрывается еще нечто не обнаруженное нами... Но в любом слу-

чае законы должны работать. Я убежден, что автоматы должны подчиняться определенным правилам. Но тут возникает масса вопросов: что происходит, куда подевались существа, построившие роботов? И способны ли роботы произвольно менять свои программы?.. Автоматы должны защищать своих изобретателей, повиноваться им, не разрушать себя и не допускать разрушений в окружающей среде. Но тут я снова сталкиваюсь с неясностью: в какой степени мы сами отличаемся от разумных существ этой планеты? Или сформулируем вопрос иначе: относится ли механизм-робот к нам как к своим хозяевам? Или он считает нас роботами, своими коллегами, так сказать?..

Рене возбужденно прищелкнул пальцами:

— Скорее всего так оно и есть!

— Вот-вот, — сказал Ал. — Они провели над нами свои опыты. Но каков их конечный вывод? Здешнего языка мы не знаем. Приказывать им не можем. И главное: мы ведь и внешне отличаемся от их хозяев!

— Мы не знаем их техники. А они — нашей. В этом суть проблемы, — добавил Рене. — Для них мы роботы, как с роботами они с нами и обращаются. Но что из этого следует? Как нам вести себя впредь?..

— Пока мы не применяем силу, опасаться нам нечего. Но на дальнейшие успехи особенно рассчитывать не придется. Их основная обязанность — защищать обитателей этой планеты, и они не перестанут ее выполнять. Задача эта для них, безусловно, важнее, нежели просто не причинять вреда роботовидным существам. Вывод: как только мы приблизимся к раскрытию тайны, на их рассудительность и терпение положиться будет нельзя.

— Ты продолжаешь стремиться к победе над Джеком? — спросил Рене.

Ал повернулся к нему и испытующе взглянул в глаза.

— До Джека мне нет больше никакого дела. Какая разница, выиграем мы или проиграем? Я хочу узнать нечто другое. — Он понизил голос, словно доверяя Рене тайну: — Я хочу выяснить, что с ними стало, с разумными обитателями этой планеты. Ведь не исключено, что то же самое ждет и землян.

— Так как же нам вести себя впредь? — повторил свой вопрос Рене. — Есть ли у нас возможность идти дальше... Ты видишь ее?

— Возможность есть: отбросить эти спортивные правила и условия, которые хороши для других мест и целей. Ведь подобной задачи не стояло ни перед кем в течение многих столетий. Решение ее будет не просто трудным делом, это отнимет много времени...

Утром все они собрались под лестницей, у городской стены.

— Где ваше оружие? — спросил Дон.

— Ты опять намерен затевать стрельбу?

— А то как же? Думаешь, я сдался?

Ал начал излагать свой план. Дон демонстративно зажал уши.

— Желаете заняться техническими изысканиями? Теорией языков и философским хламом? Зарубите себе на носу: ближе всего идти к цели по прямой! «Если я чего-то хочу — я добиваюсь этого» — вот мой девиз.

— И многого ты добился? — полюбопытствовал Рене. Дон заговорил высокомерно, назидательно:

— Видите ли, мальчики, я не стану утверждать, будто вы без меня ничего не стоите. Но какую уйму времени вы потеряете! А Джек и Хейко тем временем окажутся на финише, и нам останется только кусать себе локти.

— Ах, Дон, — проговорил Ал огорченно, — да признай же ты наконец, что здесь нужно прибегнуть к совершенно другим средствам. — Он выхватил «пистолет» из-за пояса Дона и сунул ему под нос. — С помощью таких игрушек ты вознамерился бороться против машин и автоматов, против разума, степень развития которого для тебя пока непостижима?

Дон никогда прежде не видел Ала таким возбужденным.

— Но Джек, — выдал он из себя, — Джек и Хейко...

— Сядут в лужу, как и мы! Копаются у пультов центрального управления — какая нелепость! Того и гляди, лишат нас последних шансов...

Он вдруг заметил, как изменилось лицо Дона. Быстро повернулся к стене. Но никакой стены не оказалось. Не было ни кольца старинных строений, ни пояса вилл, ни полянок, ни холмов и озер, ни горной гряды, ни горизонта. Перед ними была пустота. Сияюще-голубое небо без единого облачка. Они стояли на чем-то твердом, очертаниями своими напоминающем диск.

— Это всего лишь оптический обман! — воскликнул Ал после секундного замешательства.

— Видывали мы такое, — поморщился Дон. — Вспомните о мосте.

— Вот и пройди вперед, — предложил ему Рене, — проверь: исчезло ли все вокруг или твердь еще существует?!

Дон сделал шаг вперед, но тотчас отступил, наткнувшись на невысокий вал, ограничивавший диск с одной стороны.

— Боже ты мой! — взмолился Ал. — С чего вдруг мы так переполошились от эффекта искривления световых волн?

— Да?.. Ты думаешь?.. — всхлинула Катя.

— Проверим, — сказал Рене. — Дайте мне твердый предмет!

Катя протянула ему свой кинжалычик.

Рене приблизился к краю диска и лег на живот. Вытянул руку, постучал по поверхности ногами кинжалычика. Послышались ровные и глухие звуки: под ними была твердая как камень масса...

И вдруг Катя закричала. Все оглянулись, увидели потянувшиеся в небо черные столбы дыма, словно выраставшие из почвы планеты.

— Кромка движется! — крикнул Рене.

Кромка — оторочка диска — была неровной, слегка колеблющейся. Двадцать сантиметров прирастали, а рядом двадцать отваливались — постоянно, волнообразно.

— Вот еще одно подтверждение, что все это иллюзия, — предположил Ал, лежавший рядом с Рене.

Пульсация стала неравномерной, беспокойной, и вдруг кромка побежала прямо на них и исчезла под их телами...

Твердь осталась позади. Перед ними и под ними — повсюду было небо. И они парили в этом небе, нет, они не парили — они лежали. Лежали на невидимой плотной массе.

И вдруг все стало как прежде — и камни под ногами, и хитроумные городские строения. Ничто больше не напоминало о пережитом кошмаре. Остались только черные дымы в районе «фабрики».

В той стороне, где была «фабрика», показалась летающая лодка, скрылась за строениями и появилась вновь. Она повисла в воздухе, несколько скособочившись, и вдруг вспорола кормой стеклянную крышу здания. Грохот... две мачты согнулись и медленно повалились набок. Слово плетью ударили они по крышам, оставив на них глубокие рваные раны. Затем летающая лодка врезалась в стенку и рассыпалась, взметнув к небу фонтан разлетевшихся осколков.

— Весь центр города летит к чертям, — сказал Рене. — Что могло произойти?

— Бежим туда! — воскликнул Ал. — Может, удастся что-то спасти.

На улицах они увидели скопления роботов, суетливо возводивших высоченную стену. Она достигла уже примерно пятнадцатиметровой высоты. Но этого, как видно, было недостаточно, и роботы рушили здания по левую и правую стороны, чтобы нарастить стену.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Рене.

Сквозь стеклянную стену было видно, как пузырящаяся зеленая жидкость наполняла цех изнутри.

— Стены прогибаются! Бежим!

Что-то жалобно застонало в воздухе. Стеклянная поверхность стены уже не была прозрачной и гладкой, ее покрывала паутина трещин.

Они бежали изо всех сил и вдруг, свернув за угол, увидели липкую жидкость, залившую всю улицу. Мужчины успели вскочить на балюстраду, тянущуюся вдоль домов, а Катя, поскользнувшись, упала на спину, и ее начало затягивать в эту зеленую массу медленно, с удручающей немощностью. Ал схватил Катю за руки, потянул вверх. Ее тело чуть приподнялось над тягучей массой, но тут же снова ушло в нее уже полностью.

— Черт побери, — крикнул Дон. — Теперь уже ей не поможешь.

Все трое, испытывая внутреннее отвращение, старались уйти подальше от вспухающей массы.

Улица, тянувшаяся вдоль другой стороны здания, была пока свободной. Скоро они обнаружили лестницу и сошли на землю.

Пробираясь между пыхтящими машинами, огибая столбы

грибopodobных дымов, которые поднимались откуда-то снизу, они приближались к центру. Затем проникли в переходы холма, и шумы машин слились в неразличимый гул. Вскоре сумерки окутали их, все, что находилось снаружи, казалось далеким и незначительным. Они действовали по плану, искали Джека и Хейко.

Не зная точно, как долго блуждали по переходам, они наконец попали на след соперников. Те стояли возле огромного пульта управления, наугад дергали рычаги, нажимали кнопки. При этом внизу рушились здания, вздымались огни пламени, взрывались машины... Они играли в презанятнейшую игру: «Нажми на кнопку и жди сюрприза!»

— Эй! — крикнул им Ал от двери. — Вы самые настоящие вандалы!

Те обернулись. Хейко помахал им рукой.

— А-а, вот и вы! Мы наблюдали за вашим марш-броском! Где же ваши страшные пугачи?

— Зачем вы разрушаете город? — спросил Ал. — Какой в этом смысл?

— Никакого, — расхохотался Джек. — Просто смешно!

— Ну, а как у вас дела? Добрались до цели? — спросил Дон.

— Почти.

— Послушай, Джек, возьми меня в свою группу! Так сказать, в обмен на Рене.

Джек втянул воздух носом.

— Хо-хо, ну и скор же ты на поворотах! Ладно, будь потвоему.

Дон снова обрел самоуверенность. Повернулся к Алу и Рене.

— Вам лучше всего поскорее убраться отсюда. Чересчур вы мягкотелые создания. Сколько моих задумок вы загубили своим нытьем!

Ал смерил его взглядом, потом с презрением отвернулся и сказал Джеку:

— Мы с Рене сдаемся. Оставляем победу за тобой. Но ставим одно условие: ты должен рассказать обо всем, что обнаружил до сих пор.

Джек удивленно поднял брови:

— Значит, если нам удастся все же установить, как они выглядели, и выставить их изображение в нашем музее — планета будет названа нашими именами?

— Да, — подтвердил Ал.

— Договорились!

— А теперь рассказывай!

— Пойдемте со мной! — сказал Джек.

Они вернулись обратно в переходы, миновали несколько зданий с ведущими вниз винтовыми дорожками. И Джек начал рассказывать:

— Наш первый лагерь находился на горном склоне, это на запад отсюда. Перед тем как отправиться в путь, мы осмотрели современные строения, потом старые и оказались в конце концов у стены. Пошли вдоль нее, пока не наткнулись на мост. Это было первым для нас разочарованием —

вы помните, как этот мост выглядел. Дальше мы обнаружили арсенал с оружием, и мне пришла в голову идея переперчить вашу похлебку, — ведь вполне можно было предположить, что вы тоже придете к мосту. Здорово вы удивились?

— Не очень, — пробормотал Дон, неприятно пораженный.

Повеселевший Джек продолжал:

— Потом мы опережали вас уже на три дня, но пришлось повозиться, пока разобрались в этих иллюзиях. Спустились вниз по канату. Оказались в самом центре. Но тут автоматы сразу схватили нас и сунули в какой-то испытательный стенд. Потом отпустили, и мы смогли спокойно все оглядеть. Заводы у них весьма занятные, только жителей и след простил. Вам тоже пришло в голову, что после одной из катастроф они попрятались, скрылись, а после все перемерли?

Джек вопросительно поглядел на них, но ответа не дождался.

— Естественно, больше всего нас заинтересовал этот самый «холм» — центр управления всего города. Но не только... Мы обнаружили еще кое-что, и я намерен вам сразу показать это...

Внешний вид переходов оставался почти неизменным, зато помещения, которые ими связывались, несколько отличались от тех, что они видели на верхних этажах. Если наверху техническое оборудование помещений выглядело однообразным, то здесь они столкнулись с множеством различных аппаратов. Некоторые помещения походили на обычные кабины управления, другие скорее напоминали лаборатории для сложных физических, химических или биологических экспериментов, третьи же имели вид архивов: огромное число переплетенных книг, пластинки, ролики, кассеты и тому подобные вещи, приспособленные для записи и хранения информации.

Наконец они оказались в просторном зале, потолок которого подпирали равномерно расставленные колонны. Зал был пуст. Скорее всего им завершалась система ведущих вниз переходов и помещений, ибо нигде не было ни ворот, ни дверей, ни оконных проемов, ни коридоров. Зато в полу, в одном-единственном месте, они заметили нечто примечательное: круглое углубление метров двадцати в диаметре. В отличие от серого материала, покрывавшего стены во всех помещениях «холма», здесь и пол и углубление в нем были из блестящего, как зеркало, металла, но непривычно темного, чуть ли не черного.

— Интересно, куда это углубление ведет? — спросил Рене. Он постучал по металлу, приложил к нему ухо. — Ничего не слышно.

— Это крышка, и надо ее открыть, — сказал Дон.

— Но как? — спросил Хейко.

— Мы взорвем ее.

— Это самые неразумные слова, которые мне когда-либо приходилось слышать. — Ал подошел к Дону, положил руку ему на плечо.

— А я считаю, это вовсе не глупо, — сказал Джек. — Взорвем, и все тут. Вы участвовать не обязаны, — сказал он Алу и Рене. — Занимайтесь приборами и аппаратурой, а нам не мешайте...

— Если мы хотим найти что-то, времени у нас в обрез, — сказал сокрушенно Ал, когда Джек, Дон и Хейко ушли.

Рене попытался его успокоить:

— Не так-то просто взорвать.

— Поглядим! — сказал Ал безо всякой надежды.

Они вошли в одну из лабораторий, и Рене забыл обо всем на свете. Сначала он занялся микроскопами, затем начал разглядывать весы, следить за показаниями стрелок индикаторов. Он переходил от одного прибора к другому, подкручивал, переключал, сравнивал...

— А я займусь пока архивами, — крикнул ему Ал.

Он обошел несколько помещений и остановился наконец в одном, где стоял прибор, напоминавший установку для воспроизведения телезаписи. Заметил узкую прорезь в пульте у экрана. Неподалеку на одной из полок были сложены тонкие гибкие металлические пластинки. Не выбирая, он взял одну из них и сунул в прорезь. Затем устроился в кресле, стоящем в нескольких шагах от экрана, проверил, как действуют вмонтированные в ручки кресла кнопки, надел на голову видеошлем и нажал на одну из кнопок.

Ему сразу повезло: на первой же пластинке он увидел хозяев планеты! Внешне они мало чем отличались от землян. Не будь Ал убежден, что это обитатели планеты, удаленной от Земли на миллиарды световых лет, он принял бы их за людей. Они были невысокого роста, их головы казались непропорционально большими, а черты лица чересчур мягкими, но в остальном они походили на людей и вели себя как люди. Хотя Ал и ожидал этого, но его потрясло увиденное. Это было подтверждение гипотезы, что формы разумных существ в мировом пространстве развиваются сходным путем, если только сходны условия окружающей среды.

Ал долго копался в ящиках, расставленных в нескольких комнатах. Необходимо было из массы материалов отобрать записи, которые давали бы представление об истории планеты. Он искал какие-нибудь обозначения на пластинках и обнаружил на каждой из них в левом углу точечные узоры, напоминавшие запись азбукой Брайля. Просмотрев наскоро несколько дюжин пластинок, он быстро разгадал систему этих узоров и понял, где хранятся записи об общих закономерностях развития жизни планеты, где можно получить информацию об экспериментах, где находятся детальные объяснения отдельных процессов.

Он решил посмотреть, чем занят Рене.

— Ты себе представить не можешь, с чем они экспериментировали, — сказал Рене. — Не только с физикой и химией, математикой. Одна лаборатория предназначена для воспроизведения истории!

— Где она? — сразу заинтересовался Ал.

Они вошли в помещение, заметно отличавшееся от осталь-

ных. Здесь в стену были встроены стеклянные витрины, а в них стояли макеты деревушек, селений и городов, по которым двигались точки и черточки. В маленьких поселках их было немного, а в больших они сновали целыми стайками.

Подойдя к пульту управления, Рене передвинул стрелку шкалы на несколько делений.

— Смотри!

Вдруг один из макетов начал меняться на глазах. Поселок стал увеличиваться в размерах, новые здания росли, как грибы после дождя, исчезали зеленые насаждения, фабрики с трубами, мостики через улочки — их место занимали посадочные площадки и аэродромы.

Рене подвинул стрелку еще на несколько делений.

Город сотрясали взрывы, рушились дома, зияли воронкообразные кратеры... Словно могучий ураган пронесся над городом. Но вот он пропал, и разорванная земля вновь начала покрываться зеленью.

Многоэтажные коробки, заторы на улицах. Марширующие колонны. Жажда власти и безответственность. Мудрость и глупость, правда и ложь. Слабодушие, нищета и массовые убийства...

Вершина цивилизации. Города-сады, стены-телеэкраны, автоматы, парящие лодки. Уверенность в себе, отсутствие желаний, самоудовлетворенность. Культура жилищ, искусство, созерцание, игры, иллюзии. Здоровье и наслаждение. Пресыщение и скука. Отсутствие ответственности. Опыанение, грезы, сон...

Ал замедлил бег кадров, вернул их назад. И снова увидел огромные пространства современного города, протянувшегося до гор. Но вот с неба посыпался град бомб, и от города остались чудовищные руины. Медленно выростали новые здания, одни строения сменялись другими, последним возник город-сад в окружении прелестных лугов, озер и каменных гряд.

Потом планета подверглась метеоритному дождю, и над городом был создан невидимый щит. Однако, несмотря на вновь обретенную безопасность, мало кто выходил из домов. Большую часть времени обитатели планеты проводили перед телестенами, наслаждаясь красотами далеких ландшафтов, позволяли усыплять себя сказками. Отпала необходимость в движении: все, что они желали бы пережить, им внушали аппараты «тотального воспроизведения». Незачем стало даже есть: по специальным проводам жидкая пища подводилась к их креслам. Они сидели и грезили наяву или спали...

День за днем...

Месяц за месяцем...

Поколение за поколением...

Ал и Рене различали предметы все отчетливее, их восприятие обострялось, они лучше понимали все происходящее. Тень сгустилась, зазвенел металл, вот появилось похожее на глубокую тарелку отверстие, очень широкое, и туда опустилось бесчисленное множество каких-то цилиндров.

ров. По экрану пронеслись серые пятна, протянулся усеянный светлыми точками геометрический узор, блеснула тонкая неяркая полоска, вспенилась жидкость. Провода разбегались по сторонам и снова сбегались, дрожали стрелки неизвестных приборов, щелкали контакты. Коридоры наполнялись фиолетовым светом, воздух был влажным и тепловатым, провода, трубки, рефлекторы и лампы образовывали клетки, бесконечной чередой они стояли вдоль стен, и в каждой сидело по розоватому, мясистому созданию со множеством отростков. Каждое из них было посажено в наполненный жидкостью сосуд, каждое, подобно хрупкому саженцу, поддерживалось подпорками, отростки были покрыты специальной оболочкой, в трубочках пульсировала бесцветная, желтая или красноватая жидкость. Каждое существо напоминало выращенную в клетке орхидею.

Это были последние кадры.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Рене.

— История города прояснилась, — ответил Ал. — Вполне нормальная история, какая могла произойти и в любом из наших городов. Они прошли через свой атомный век. Бомбы, уничтожившие город, — атомные, это бесспорно. Я совершенно уверен, что где-то они еще хранятся.

— Посмотрим, не раскопал ли их уже Джек, — предложил Рене.

Пока они искали выход, Ал продолжал:

— Теперь мы знаем, для чего нужен городу его невидимый щит.

— Защита от метеоритов, — припомнил Рене. — Но почему они не засыпали кратеров? С их возможностями это было проще простого.

— Еще проще устранить следы разрушений другим путем... Эти прозрачные стены, которые мы обнаружили в их домах, не что иное, как экраны, на которых можно увидеть все, что пожелаешь: близкое и далекое, прошлое и современность, действительность и фантазию. Маленькое изменение в оптическом устройстве — и никто никаких кратеров и руин не увидит.

Они добрались до обзорной площадки и решили оглядеться. Кварталы перед ними были сильно разрушены. Найти в этом хаосе Джека, Дона и Хейко будет очень непросто.

Но опасения их оказались напрасными. Вскоре они увидели Хейко, который вел мощный тягач. Хейко направил в открытую дверь приземистого здания продолговатое устройство типа грейфера с разнокалиберными зажимами. Джек и Дон тоже протиснулись в здание. Через две минуты грейфер задвигался. Его зажимы прихватили двухколесный лафет, на котором лежала ракета.

— Они едут к окраине города! — воскликнул Рене.

— Может, нам удастся им помешать! — отозвался Ал. Он постарался запомнить очертания близлежащих зданий и местонахождение группы Джека.

Джека они догнали у городской стены.

— Погодите! — закричал Ал еще издали. — Мы нашли

пленки с изображением местных жителей. Можете передать их на Землю!

— И как они выглядят? — спросил Джек.

Ал остановился перед ним, запыхавшись.

— Посмотри сам! Кадры потрясающие!

Джека, видимо, охватили сомнения. Он посмотрел на отливающий матовым блеском корпус ракеты, лежавшей словно рыба в сети, потом перевел взгляд на Ала.

— Такой случай упускать нельзя! — уговаривал Ал, стараясь использовать нерешительность Джека.

— Дашь себя уломать? — спросил Дон. — Тебя уломать так просто?

— Время у нас есть, — сказал Джек. — Можем пойти посмотреть.

В Доне снова закипела обида.

— Кто знает, что может случиться! В любую секунду явятся автоматы и отнимут у нас ракету!

Вмешался Хейко:

— По-моему, узел связи мы разрушили. Что еще...

— Вы просто трусите, — сказал Дон. — Вы трусы и вдобавок дураки. Ну идите! — заорал он вдруг. — А я подожду вас здесь и поиграюсь с этой игрушкой! Может, она и выстрелит!

— Ты смотри поосторожней! — с угрозой в голосе сказал Джек. И обратился к Алу: — Узнали вы, что находится под той крышкой?

— Времени было в обрез, — объяснил Рене. — Но видели мы кое-что из нижних помещений...

— Что?

— Трудно объяснить, — сказал Рене неуверенно. — Это такие... штуки... вроде цветов, напоминают орхидеи. И сидят в клетках.

Дон громко расхохотался, но ничего не сказал.

Джек поморщил лоб.

— Это все? — спросил он. — А живых существ внизу вы не видели?

— Нет, только цветы.

— Клетки с орхидеями. Я знаю, — сказал Джек. — Ну тогда ясно, что нам делать. Хейко, готовь ракету!

Хейко снова завел тягач, чтобы отвезти лафет с ракетой в нужную позицию.

— Одурачили вас, показали всякую чертовщину, — бросил Джек Алу.

— Выдерните крюк! — попросил Хейко.

Подскочил Дон и разъединил трос. Хейко отъехал на несколько метров в сторону, спрыгнул и подошел к лафету, на котором в закрепленном каркасе находилась ракета. Он повернул каркас в сторону, беря на прицел холм.

— У вас все взлетит на воздух! — сказал Ал. — И не останется ничего из того, что мы могли бы еще открыть.

Дон притворился, будто ничего не слышал. Он подошел к лафету, просунул руку сквозь решетку каркаса и шлепнул ладонью по корпусу ракеты.

— Маловата она, эта штука, — сказал он. — И это — атомная бомба!

Хейко воспринял его слова всерьез.

— Для наших целей не хватит, вот увидишь!

— Можем мы теперь запускать? — спросил Джек.

— Вы никак собрались остаться на месте... здесь... после выстрела? — в ужасе спросил Рене.

— А чего ты испугался? Уж не радиоактивного ли облака? — съехидничал Дон.

— Джек, — сказал Ал подчеркнуто серьезно. — Рене прав. Здесь мы окажемся чересчур близко к эпицентру взрыва. Вы сами себя взорвете!

— Отступить нам не приходится, — ответил Хейко. — За нами стена. Как прикажешь перенести за нее ракету вместе со стартовым устройством?

— Обратного пути у нас нет, — сказал, в свою очередь, и Джек. — Мы запустим ее, причем с этого самого места. Если хотите, бегите отсюда. Да поторапливайтесь, мы долго ждать не будем!

Ал покачал головой:

— Вы даже представить себе не можете ударной силы такой бомбы. Кто сказал, что она обязательно атомная?

— А какая же? — спросил Джек.

— Нечто куда более страшное, — ответил Ал, все еще вполне владея собой и обращаясь к ним как к непутевым ученикам. — Их техника намного превосходила нашу. Помните о куполе над городом и его невидимых стенах! Они могли сконструировать оружие, которое мы себе и представить не в силах. Не станете же вы рисковать всем...

Слушать Ала молча оказалось выше сил Дона:

— Перестань ты наконец читать проповеди!

— Пусть себе болтает, — сказал Джек. — А почему бы нам не рискнуть, Ал?

— Протри глаза! Пойми, сколько у нас возможностей узнать новое. И не только в этом дело! Джек, здешние люди прошли более длинный путь, чем мы. Они пережили атомный век; мы впервые сталкиваемся со столь высокой культурой, не говоря о нашей! Но куда они подевались? Я обязан выяснить это, прошу, пойми меня...

Джек в раздумье смотрел на Ала.

— Ладно, Ал, — сказал он. — Я дал тебе выговориться. Тебе хочется узнать, что с ними стало?.. Представь, я тоже хочу разузнать, что там, под холмом, да побыстрее. Я скажу тебе еще, чтобы ты понял меня до конца. — Голос его зазвучал резко. — Мне здесь осточертело. Чересчур тут скучно. Мне просто противно здесь! Я попытаюсь поднять крышку и заглянуть внутрь, а потом — привет горичий! Если у меня ничего не выйдет, тоже не беда. Пойми, мне совершенно безразлично, что с нами случится. И с городом тоже! Пусть взлетает на воздух! И поэтому, — он понизил голос, — мы сейчас дадим залп.

Ал кивнул. Действительно, разве их переубедишь? Он безучастно наблюдал за тем, как Хейко снова прильнул к прицелу, а затем выжидающе посмотрел на Джека. Тот поднял

и резко опустил руку. Хейко взялся за пусковое устройство, висевшее на длинном шнуре, и нажал на кнопку.

И тут качнулись стены, рухнул потолок. Грохота близкого взрыва ни Ал, ни Рене не успели услышать...

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

В третий раз они пробудились к жизни на этой планете. Они не знали, то ли все уничтожено взрывом, то ли перемены произошли во время необъяснимых событий, последовавших за взрывом.

Нет больше ни города, ни равнины и ни долин. Все превратилось в пустыню, которая, подобно морю, заполнила не только котловину. Большая часть поверхности планеты покрыта песком.

— Я считаю, нет больше никакого смысла искать аборигенов, — сказал Рене.

— Думаешь, все уничтожено? — спросил Ал.

— От города, во всяком случае, ничего не осталось.

Ал испытующе поглядел на него со стороны.

— А помнишь воздушные миражи?

Рене его вопрос ошелолил.

— Да, это объяснило бы все! Как я мог забыть! Ты думаешь, камни и песок — снова обман?

— Проверим немедленно.

— Почва настоящая, — сказал Рене. Он наклонился, поднял пригоршню песка и пропустил текучую массу сквозь пальцы.

Ал прошлепал на несколько шагов дальше и принялся возить по песку ногами, а потом подозвал к себе Рене.

— Твое мнение?

Рене опустился на колени и ощупал гладкую поверхность, появившуюся из-под слоя песка.

— Та же пластиковая субстанция, из которой состояли валуны у моря и на равнине.

— Думаю, есть смысл осмотреться, — сказал Ал. — Эти изменения не сами собой произошли. Кто-то должен же был изготовить этот пластик!

— Теперь я понимаю, — сказал Рене. — Они еще здесь. Они живы, и это они же долину песком и засыпали. Но с какой целью?

— Может быть, прикрыли ею что-то находящееся внизу?

— Потрясающее нашли решение! — признал Рене. — За какие-то две недели такие перемены. Эх, а мы ничего этого не видели.

Они медленно ползелись обратно.

— Какая мерзость этот песок, — пожаловался Рене и тут же встрепенулся. — Послушай, Ал! А откуда он вообще берется?

— Легко догадаться! — Ал весело улыбнулся. — Радиоактивный пепел, опустившийся после распада атомного гриба. Но это нам не повредит. Не забывай, что старые правила не действуют!

Рене с облегчением перевел дух.

— Странно оно как-то, — сказал он. — Надо сперва привыкнуть.

— Мне тоже не по себе, — согласился Ал. — Но история с радиоактивностью еще из самых простых. Тем более что излучения ты все равно не ощутишь. Можно просто не обращать на него внимания. Нас ведь ничто не заставляет сохранять прежний уровень наших чувств. К примеру, разве может нам повредить стужа? Если она нам надоест, просто отключим ее по шкале восприятий!

Рене был растерян, но не подавал виду.

— Конечно, жара другое дело. Но и тогда можно все-таки значительно изменить порог боли. А как насчет зрения? Нет ли смысла увеличить видимую область спектра? Например, ультрафиолетовую?

— Но если нам не приходится больше придерживаться правил, отчего мы не используем более подходящие модели? У которых и зрение и слух лучше?

— Других подходящих нет. Старые, времен запуска ракет, не годятся. Их способность к адаптации была мала, хотя по объему восприятия впечатлений они нас превосходили. Нам пришлось бы выдумать что-то новое, а на это потребовалось бы много времени. Хотя не исключено, что нам все же придется этим заняться.

Вертолет нес их над радиоактивной пустыней. Ветер сотрясал машину.

— Ты допускаешь возможность существования защитного щита, как тогда, над городом? — спросил Рене.

— Да, — ответил Ал, уставившийся в пустоту.

— И что тогда?

— Тогда мы потащим приборы на себе.

Против ожиданий летели они беспрепятственно.

Ал потянул на себя ручку управления.

— Опускаюсь.

Он взял курс на просторную каменную площадку. Из маленьких дырочек в ней вздымались фонтанчики песка. Посадив вертолет, он открыл дверцу и спрыгнул.

Рене передал Алу ящики со взрывчаткой, переносной столк с сейсмографом. Ал вынул капсулы и отнес метров на двадцать от площадки. Здесь он закопал их и отошел со взрывным шнуром к вертолету. Одну клемму присоединил к батарее, а другую заземлил.

Рене установил сейсмограф и решил для пробы включить его. На бегущей ленте показалась слегка волнистая линия. Он занервничал, начал проверять надежность прибора.

— Что случилось? — спросил Ал.

— Защитный слой слишком слабый, — объяснил Рене.

— И что это значит?

— Под верхним слоем почвы сотрясения происходят непрерывно. И прибор их воспринимает. Но линия колебаний выражена много слабее, чем можно было ожидать.

— Тогда придется все-таки произвести взрыв, — предложил Ал. — Ты готов?

— Да.

Ал нажал на кнопку... небольшой фонтан из камней и песка поднялся, где он заложил взрывчатку, и сразу же послышался грохот.

Их взгляды были прикованы к перфоленте, быстро выбежавшей из прорезей сейсмографа. Не прошло и двух секунд, как стрелка резко метнулась в сторону, а на ленте появились острые зубы. Только успел Рене выпрямиться, явно удовлетворенный, как снова раздался грохот взрыва; после немой тишины звук этот показался вдвое громче первого.

— Эхо, — сказал Ал.

Рене поглядел на него и покачал головой.

— Да... но откуда?

— Силы небесные! — охнул Ал. — Оно идет сверху! Рене, всерьез задумавшись, наморщил лоб.

— Есть только одно объяснение, — воскликнул он. — Это от невидимой защитной стены.

— Силы небесные! — повторил Ал. — Дошло! — Он смотрел на Рене с уважением. — Ну конечно, это защитный щит! Они переместили его выше!

— Но почему? — спросил Рене.

— Решили усовершенствовать защиту.

— Выходит, они не знают, каким образом мы здесь оказываемся.

— Ты попал в точку, — подтвердил Ал. — Синхронный луч сквозь щит проходит — никаких сложностей с приемом, когда мы оказывались под ним, у нас не было.

— Они не знают, что такое синхронный луч, — сказал Рене. — Мы их перехитрили. В некоторых отношениях мы их превосходим.

Оба были возбуждены, словно одержали победу. В наилучшем настроении обратились к сейсмографу.

— Что говорит тебе эта кривая? — спросил Ал.

— Одно могу сказать определенно: примерно на глубине двух километров находится защитный слой...

Ал перебил его:

— Может быть, потолок подземелья?

— Возможно. Кажется, я смогу теперь объяснить и слабые сотрясения. Между этим слоем и пластиковой поверхностью находится сильно амортизирующий материал.

— Прекрасно! — воскликнул Ал. — Тогда все ясно! Я впервые понимаю смысл происходящего здесь! Их задача: защитить то, что находится в подземных помещениях. Очевидно, эти помещения, куда нам проникнуть не удалось, пока в целостности и сохранности. И в них находится что-то ценное. Атомный взрыв доказал, что щит над городом и разрывы там миражи недостаточны для защиты от нас, поэтому они прибегли к более действенным мерам. Щит поднят намного выше, может быть, в горы, а может, и над ними...

— Может быть, даже над всей планетой, — добавил Рене.

Ал согласился с ним.

— И это можно представить. Но, кроме щита, они использовали и другое средство — мощную плиту, которая прикрывала их подземные помещения. Сделана она из эластичного материала, и предназначение ее — гасить взрывную волну! Вот в чем фокус!

— Главный вопрос в том, как нам проникнуть к ним вниз, — сказал Рене, вешая прибор на ремень через плечо. При этом он посмотрел на запад... и застыл на месте: прямо на него неслось темное тело, которое имело форму колокола.

...Ал услышал крик и увидел, как колокол скрыл под собой Рене. Не мешкая Ал помчался к вертолету, но не успел добежать — его тоже настиг колокол. Он почувствовал, как неведомой силой его подняло и вдруг стало темно.

На мгновение вспыхнул свет, раздался и сразу же пропал какой-то звук; он не успел даже оглядеться, как что-то ошупало его и укололо, но так молниеносно, что он подумал, не почудилось ли это...

И так же мгновенно ошупывание прекратилось, его освободили мягко, осторожно, не стесняя его движений и одновременно не давая ни малейшей возможности сопротивляться, даже как бы подчеркивая это обстоятельство.

Это обследование, подумалось ему, вроде тех, какие над ними проделали недели две с небольшим назад, когда они впервые вступили в город машин. Каждый, кто переступит границу, подвергается проверке — это ясно. И если он возвращается, его проверяют вновь.

Алу не пришлось долго ждать решения проверяющих автоматов. Его опустили, и он снова стоял на твердой почве. Колокол поднялся и освободил Ала. Тень метнулась прочь, и массивное металлическое тело растаяло вдали, превратившись в точку.

— Эй, Ал, ты живой?

Ал обернулся. Рене! Точно на том же месте, где его накрыло колоколом. Зато там, где они оставили вертолет, стоял еще один колокол, куда больше тех, что накрывали его или Рене. Он был отлит из черного блестящего металла. Ал хотел подойти к колоколу, но тот, хоть и был высотой с дом, поднялся с легкостью двух своих малых братьев — и только его и видели.

— Ну я этими сюрпризами сыт по горло, — проворчал Рене.

— Но ведь мы спровоцировали их появление, произведя два пробных взрыва, — заметил Ал. — Меня куда больше тревожит результат их проверки. Они даже вертолет проверяли.

— По-видимому, ничего особенного — настроены они как будто миролюбиво. И оставили нас в покое.

— Я сильно удивился бы, если бы и на сей раз все шло гладко, — сказал Ал со вздохом.

С чувством некоторого недоверия они стали всматриваться в пустую равнину. Вдруг песок вздыбился, будто под ним завозилось какое-то существо, а потом из-под песка

вырос черный цилиндр. Он рос до тех пор, пока не стал маленькой приземистой башней.

— Что бы это могло значить? — удивился Рене.

— Они испытали нас и пришли к какому-то выводу. И вот их реакция.

— Ты считаешь, что черная башня для нас?..

— В известной мере... — Ал принял решение. — Подойдем и рассмотрим эту штуку вблизи.

Ал подступил к «двери» башни и, удивленный, остановился. Перед входом были спущены «ступеньки».

— Мне кажется, эти автоматы раскладывают сейчас свои скальпели, прежде чем вскрыть нас, — сказал Рене с забавным отчаянием.

Пригнувшись, они вместе вошли в башню. Внутри она формой своей напоминала полый цилиндр. Поперек потолка тянулся ряд светящихся шайб. Они «сидели» на сходящихся блоках, привлекавших внимание Рене.

Дверь закрылась. Дневной свет исчез, и только мягкий белый свет от круглых шайб освещал теперь помещение. Потом пол под их ногами пошел вниз. Длилось это секунд десять. Друзья, в общем-то ожидавшие нечто подобное, все-таки были поражены. Особенно Рене.

— Знаешь, если говорить по-честному, — начал он, — я сыт этим по горло. Не выдержу больше здесь. Эта башня — подъемная клетка! И этот воздух, и этот свет! Я словно оглушен.

— Неужели тебе так плохо? — спросил Ал. — Мне тоже не больно-то весело. Но я пытаюсь вытерпеть все до конца. Если хочешь, Рене, оставь меня одного. Отключайся, и дело с концом. Я пойду дальше один.

Рене, воплощение отчаяния, сидел на поперечной балке. Не поднимая глаз, покачал головой.

Ал продолжал:

— Если не хочешь оставить меня, уменьши просто-напросто остроту восприятия! В этот раз ведь нет никаких правил и кодекс чести не действует. Никто тебя укорять не станет.

— Замолчи, Ал, — попросил Рене.

Долгое время оба они молчали. Потом Рене вдруг поднялся и указал на появившуюся в углу помещения лестницу.

— Пойдешь первым? — спросил он.

Здесь, в самом низу, они опять оказались в замкнутом помещении — для них сместились не только пространственные, но и временные отношения. Когда Ал посмотрел на часы, он убедился, что внизу они находятся какие-то двадцать минут, а казалось, будто прошло полдня.

— Они кажутся мне тверже... эта штука как будто не дрожит больше и не колышется. А по-твоему?

— Да.

Рене успокоился. Огляделся... и вздрогнул.

Ал тоже увидел это. Кубики, из которых состояли стены,

начали перемещаться. Целый ряд кубиков продвинулся сквозь другой.

— Вон там! — вскрикнул Рене.

Рядом с ними кубики тоже пришли в движение. Они изменили положение стен, выровняли пол, создали ровный потолок. Получилось маленькое помещение в форме пустого куба. Ал и Рене стояли посреди этого куба, а со всех сторон на них смотрели тысячи безжалостных, идеально круглых, светящихся «глаз» — кубики превратились в некоторое подобие игральных костей.

Позднее, когда состояние паники миновало, они обследовали свою тюрьму. Ощупав стены, постучав по ним и прислушавшись к издаваемому ими звуку, друзья поняли, что делать больше нечего. Сели на пол и стали ждать...

Ждали они семь недель.

Конечно, не все это время они выдержали в своей тюрьме. Периодически один из них отключался, чтобы отдохнуть, но другой оставался на посту. Они показали выдержку, которой сами от себя не ожидали, и не сдались. Иногда они обсуждали, как ускорить ход событий, но всякий раз приходили к мнению, что остается им одно: ждать.

В начале восьмой недели что-то наконец произошло. Они так удивились, что сначала не поверили своим глазам и ушам. Сначала задвигалась одна стена: она уплыла горизонтально влево, причем принципиально ничего не изменилось — квадраты, появившиеся справа, выглядели точно так же, как и те, что уплыли налево. Но затем там появился проем высотой в метр, и к их ногам подъехал кубик такого же роста.

— Я — ваш защитник, — сказал кубик.

Ал и Рене просто остолбенели, не в силах произнести ни звука.

— Я — ваш защитник, — прозвучало вторично на нормальном человеческом языке, с каким-то непонятым оттенком, правда. Рене позднее объяснил, в чем дело: звуковые колебания исходили не от одной мембраны, а от шестидесяти четырех. Кубик стоял так, что обнажились все шестьдесят четыре его составные части, и у каждой было по вибратору, и каждый вибратор в такт произносил те же слова.

Снова прозвучал этот голос, и в нем слышалось даже нечто человеческое, похожее на неуверенность.

— Разве это неправильное слово: «защитник»?

— Ты посол? — спросил Ал. — Тебя послали установить с нами отношения?

— Извини, — ответил кубик. — Я понимаю пока не все, что вы говорите. Кто такой посол? Никто не хочет вступать с вами в отношения. Я — защитник.

Ал посмотрел на Рене и развел руками. Потом спросил:

— Что значит «защитник»? Мы здесь не перед судом.

— Но скоро предстанете перед судом, — подал голос кубик. — А я должен вас защищать.

— Почему это нас будут судить? — спросил Рене.

Мембранный голос выразил удивление:

— Но разве вы не для того вернулись, чтобы ответить?

— Нет, — сказал Рене, — у нас и в мыслях такого не было.

— Мы думали, что это относится к вашим этическим принципам: провинившийся должен отвечать. Он предстанет перед судом и либо осуждается, либо оправдывается. Может быть, мы не во всем разобрались. Но вас будут судить.

— Но за что, собственно? — спросил Ал.

— За ваши преступления, конечно. — Голос кубика снова выразил удивление. — Нарушение общественного порядка, разрушение чужой собственности, нелегальный въезд, применение огнестрельного оружия, контрабанда, бесчинства, нарушение закона о защите против радиоактивного заражения и, главное, нанесение тяжелых увечий в ста двадцати случаях, убийство в сорока двух случаях. Хотя, быть может, убийства были непреднамеренными. Это предстоит выяснить. Добавим еще...

— Стой! — вскричал Рене. — Да это чудовищно! Как вам...

Ал перебил его:

— Рене, боюсь, он прав. Все это произошло на их планете. Если судить по земным законам...

Он умолк.

— Вам предоставлено право быть судимыми по вашим собственным законам. Но я предлагаю, господа, побеседовать о предъявленном обвинении.

— Откуда вы знаете наш язык?

— Мы записали и внимательно изучили ваши словесные высказывания, ваши жесты и манеры. По этой причине предварительное заключение и длилось так долго. Полагаю, вашим языком мы овладели вполне. К сожалению, обнаружили странные несоответствия в вашем поведении, что нам еще предстоит уточнить.

— Гм. А откуда вам известны наши законы?

— Мы знаем их в недостаточной мере, — ровно столько, сколько выяснилось из ваших разговоров. Если вы хотите воспользоваться правом быть судимыми по вашим законам, вам придется сообщить нам некоторые подробности. Будет проверена их логика — и суд может начинаться.

Ал посмотрел на автомат.

— Кто гарантирует, что мы можем доверять тебе?

— Можете проверить мою схему, — ответил куб.

Часть внешних составных куба выдвинулась вперед, изнутри на их место подвинулись другие. Рене с любопытством наклонился над ними: одни из внутренних составных выглядели иначе, чем внешние. Они были по-другому смонтированы, на боковых плоскостях не было «глаз-очков», мембран или других органов, они были поделены на мельчайшие квадратики, черные и белые.

— Если желаешь, я покажу тебе отдельные элементы включения в увеличенном виде, — сказал автомат. — Белое — это проводка, черное — блокировка. Может быть, ты ограничишься пробой на выборку? Назови мне разрешающую способность оптики твоего глаза.

— Ладно, все в порядке, — пробормотал Рене, неуверенно покосившись на Ала.

— В твоей схеме мы не сомневаемся, — сказал Ал. — Но ведь нас подслушивают! — Он указал на световые круги на стенах.

Автомат заработал. Ряд составных пластин куба занял прежнее место внутри, ряд внешних накрыл их, и четкая геометрическая фигура приняла свой изначальный вид. Куб. Снова прозвучал чуть размытый, но ясный голос:

— Я немедленно это улажу.

Практически в тот же момент погас весь свет на стенах. Только их автоматический посетитель еще светился. Похоже было, будто он парит в пустоте, и впечатление это настолько их удручило, что Рене воскликнул:

— Пожалуйста, включи снова свет!

— Извините, — сказал автомат. Опять замерцали светлые круги. — Кроме света, все отключено. Можем мы теперь начать?

— Нам позволено будет подумать? — спросил Ал.

— Через пять минут я вернусь, — ответил автомат и исчез, как здесь было принято, сквозь стену.

— Теперь мы в курсе событий, — сказал Ал. — И многое разрешилось разумным путем.

— Ты намерен участвовать в их комедии? — спросил Рене. — И веришь, что при подобных обстоятельствах мы придем к цели?

Ал похлопал его по плечу.

— Самое главное — контакт. Сейчас он установлен. Сначала мы порасспросим защитника. Сам ход суда обязательно даст интересные сведения. А потом... у меня есть план. Слушай внимательно: отнесемся к этому делу со всей серьезностью. Запросим информацию — точную — о всех параграфах законодательства, о наказаниях, о судопроизводстве и сообщим защитнику. Мы расскажем ему обо всем, что знаем, расскажем честно и без утайки, кроме одного: ни слова о синхронном луче! Наше счастье, что мы, насколько я помню, до сих пор о нем не говорили, или если и упоминали, то они нас не поняли. Этот шанс мы и используем. Скорее всего он у нас последний.

— Сумасшествие, — сказал Рене. — Но я согласен.

Ровно через пять минут стена задвигалась и появился защитник.

— Вы приняли решение?

— Да! — кивнул Ал. — Мы отдаемся во власть вашей юстиции. Мы благодарим вас за то, что вы хотите судить нас по нашим законам. И мы не возражаем против того, чтобы ты нас защищал. Но еще один вопрос: сколько времени ты будешь в нашем распоряжении?

— До конца судопроизводства, — ответил мембранный голос.

Внешне Ал не подавал вида, но внутренне он торжествовал. Первый раунд выигран. При условии, что можно положиться на порядочность автомата. А на автоматы обычно можно положиться.

— Тогда все в порядке, — сказал он.

Защитник помолчал несколько секунд, словно собираясь с мыслями, и произнес:

— Итак, я беру на себя вашу защиту. Я буду вести ее честно и приложу все мои способности, чтобы оправдать вас, — хотя, должен признаться, положение у вас тяжелое. С настоящего момента я не передам никому полученную от вас информацию без вашего согласия. Можете мне доверять. Расскажите мне все, что знаете. Чем больше я от вас узнаю, тем лучше смогу вам помочь. А теперь, начнем!

Их беседы длились долго, сто одиннадцать часов. После чего они были готовы предстать перед судом.

Судебное заседание

Обвиняются:

1. **Фамилия:** Александр Беер-Веддингтон по имени Ал
Место жительства: Лима (Земля)
Дата рождения: 17.12.122071
Место рождения: Лима
По собственным показаниям (не доказано)
2. **Фамилия:** Рене Хонте-Окомура
Место жительства: Монреаль (Земля)
Дата рождения: 9.3.122069
Место рождения: Монреаль
По собственным показаниям (не доказано)

Они будут судимы по законам их цивилизации, поскольку это возможно при существующих обстоятельствах. Допустимы по возможности незначительные отклонения. Для судопроизводства служат «Комплексы из 64 составляющих»... как Председатель суда, Обвинитель и Защитник, отобранные из других «комплексов-единств»; в качестве свидетелей выступают в смысловом отношении органы по Приему, Накоплению и Воспроизведению Информации «комплексов-единств»; обязанности судьи исполняет Логистическая машина.

Обвинитель: Обвиняемый Александр Беер-Веддингтон, объясни нам, почему ты оказался на этой планете!

А л: Собственно говоря, причиной всему — игра. Мы посещаем планеты. И кто хорошо изучит планету, может дать ей свое имя.

Обвинитель: Что значит «изучит»?

А л: Необходимо представить документированное описание самого высокоорганизованного организма планеты.

Обвинитель: Необходимо ли такой организм увезти, убить или нанести ему ущерб?

А л: Нет. Такого правила вообще не может быть, поскольку мы еще никогда не встречались с разумными живыми существами. Только видели их следы.

Обвинитель: Почему вы играете в такую игру?

А л: Для времяпрепровождения.

Обвинитель: Но должен же быть в этом какой-то смысл? Что тебе на сей счет известно?

Ал: Прежде, в атомный век, и еще некоторое время спустя ученые побывали на чужих планетах и тщательно их исследовали. Особенно, что касалось высокоразвитых живых существ. После чего планете присваивалось имя руководителя экспедиции. Полагаю, отсюда и берет начало наша игра.

Обвинитель: Каким образом вы передвигаетесь в мировом пространстве?

Ал: Отказываюсь отвечать.

Обвинитель: Что натолкнуло вас на мысль посетить нашу планету?

Ал: Два моих товарища, Дон и Джек, открыли ее в планетоскопе. Было весьма соблазнительно побывать на планете, в высшей степени похожей на нашу Землю.

Обвинитель: Почему вы явились отдельными группами?

Ал: Мы соперничали — кто придет к цели первым. Так увлекательнее.

Обвинитель: Что произошло, когда вы сюда прибыли?

Ал: Мы отправились в город и несколько дней знакомились с ним.

Обвинитель: Мы осведомлены о ваших шагах внутри стен города. Почему вы разрушили большую часть машин?

Защитник: Я протестую. Суд отказался от предъявления обвинений по поводу разрушения потерявшего ценность машинного парка.

Председательствующий: Протест принимается.

Обвинитель: В день перед Происшествием, как и в день самого Происшествия, вы все подходили к Нижнему Входу. Те, кто находился там незадолго до взрыва бомбы, — это оба обвиняемых. Что вы там искали?

Ал: Осматривались.

Обвинитель: Есть ли связь между вашим пребыванием у Входа и вашей целью — найти самые высокоразвитые живые существа на этой планете?

Ал: Да.

Обвинитель: Установление этого факта для меня особенно важно, поскольку оно будет противоречить возможным уловкам обвиняемых: они, дескать, не могли знать, что внизу находятся люди.

К вечеру того же дня вы все собрались у городской стены и произвели вызвавший столько разрушений и жертв пуск ракеты. Почему вы это совершили?

Ал: Джек хотел установить, что скрыто под колмом.

Обвинитель: Знал ли он, что внизу находятся люди?

Ал: Нет.

Обвинитель: Допускал ли он такую возможность?

Ал: Не знаю.

Обвинитель: А ты, знал или догадывался ли ты, что внизу живут люди?

Ал: Я не считал это невозможным.

Обвинитель: Значит, ты отдавал себе отчет в том, что выстрел может нанести увечья или убить людей?

А л: Рене и я участия в этом не принимали. Мы предприняли все, чтобы отговорить товарищей.

Обвинитель: Это неправда. Вы всего лишь просили отсрочки, потому что хотели побывать еще раз у Центрального Пульта и что-то найти там. Указали вы им на моральный аспект подобных действий?

А л: Нет.

Обвинитель: А если бы указали — вам обоим это чем-нибудь грозило?

А л: Нет.

Обвинитель: Благодарю, этого довольно.

Председательствующий: Слово предоставляется защитнику.

Защитник: Я хочу снова вернуться к игре. Получили ли вы для игры специальную подготовку, например, научную?

А л: Нет.

Защитник: Нужна ли для этого тренировка? Зависит ли участие в игре от выполнения каких-то условий или формальностей?

А л: Нет.

Защитник: Выходит, что всякий, у кого появится желание, может без подготовки высадиться на чужом небесном теле?

А л: Да.

Защитник: Не встречаются ли играющие с серьезными опасностями? Не погибают ли многие из вас во время игры из-за непредвиденных обстоятельств?

А л: Конечно, аварии случаются.

Защитник: Когда вы с Рене вместе с отсутствующими Доном и Катей накануне рокового дня шли от Стены к центру города, вам пришлось преодолеть несколько опасных препятствий. Когда разлилась целлюлозная масса, погибла Катя. Думаю, это можно назвать несчастным случаем упомянутого вами типа. Как вы отреагировали?

А л: Никак. Мы торопились.

Защитник: Я рассчитываю привести эти высказывания к одному знаменателю: в обществе, которое представляют мои подзащитные, насильственной смерти придается совершенно иное значение, чем у нас. А теперь к вопросу о нормах поведения и повседневных привычках. В связи с изложенными выше событиями открываются новые аспекты. Есть Регистрация — автоматическая запись сведений, фактов или показаний. Меня интересуют только некоторые, наиболее важные моменты. Чем вы наполняете вашу жизнь?

А л: Есть многое, на что можно расходовать свое время. Прежде всего воспроизводящие фильмы и игральные автоматы. Беседы, диспуты, празднества. Потом искусство: калейдоскоп, пластические помещения, лаплоглозия, стереомузыка, орган запахов и так далее. Кроме того, к услугам каждого — архивы. В них содержится все, что когда-либо происходило: вся история, все научные теории и открытия, учение о пра-

ве, философия, все, что известно на сей день о мироздании...

Защитник: Вас занимают знания или развлечения?

Ал: Я не понимаю. Занимаясь наукой, мы развлекаемся и получаем удовольствие.

Защитник: Есть у вас специалисты? Я имею в виду, такие, которые обладают особыми познаниями в определенной области?

Ал: Почему же, у некоторых есть свои особые интересы.

Защитник: Каковы твои особые интересы?

Ал: М-м, ничего выдающегося. Стереопение. Старинные истории о Диком Западе. А в науке — эволюция животных. Дарвин и все такое.

Защитник: Есть ли особые интересы у твоего друга Рене?

Ал: Насколько мне известно — «оживающие» скульптуры, физические и химические игры-загадки.

Защитник: А теперь о твоем пребывании на планете. Почему вы захватили так мало вспомогательных средств?

Ал: Таковы правила игры. Тогда ни у кого не будет преимущества перед другим. Применять инструмент, с помощью которого можно изменить что-то на чужой планете, нам запрещено. Только то, что мы там найдем.

Защитник: Когда в день Происшествия все пятеро оставшихся в живых встретились на смотровой башне, произошла перегруппировка. Можешь ли ты назвать причину?

Ал: Рене и я не хотели больше принимать участия...

Защитник: Отказались ли вы тем самым от возможности все-таки выиграть вашу игру?

Ал: Да.

Защитник: Почему? У вас появилась другая цель?

Ал: Мы установили, что обитатели этой планеты внешне были очень похожи на нашу собственную расу. И нам очень захотелось узнать, какова их судьба.

Защитник: Думали ли вы при этом о чем-то недобром, что могло бы повредить этим людям?

Ал: Нет.

Защитник: А можно ли, напротив, предположить, что выстрел, задуманный Джеком и Хейно, поставил крест на вашем желании?

Ал: Да. Поэтому и возражали.

Защитник: Почему вы не действовали активнее?

Ал: Дон и Джек открыли эту планету — она, так сказать, им принадлежала. И кроме того... наше желание действительно было несколько необычным... против нас были бы все... и дома тоже.

Защитник: Нельзя ли суммировать сказанное следующим образом: общепринятые традиции и чувство дружбы оказались для вас превыше собственных интересов?

Ал: Да.

Защитник: Благодарю. У меня все.

Председательствующий: Слово имеет прокурор.

Обвинитель: Обвиняемый Рене Хонте-Окомура. Можешь ли ты что-либо уточнить или добавить?

Рене: Ничего недозволенного мы не совершили.

Обвинитель: Верно ли то, что сообщил твой друг Ал?

Рене: Да.

Обвинитель: Присутствовал ли ты при пуске ракеты?

Рене: Да.

Обвинитель: Пытался ты чем-то помешать?

Рене: Да. Ведь все это не имело смысла. Мы стояли слишком близко к месту взрыва. Я говорил Джеку.

Обвинитель: Это было единственной причиной для вмешательства?

Рене: В каком смысле?

Обвинитель: А ты не допускал мысли, что в результате взрыва могут быть ранены или убиты живые существа, находившиеся на подземных этажах?

Рене: Нет.

Обвинитель: Благодарю!

Председательствующий: Слово имеет защитник.

Защитник: Ты увлекался на родине физическими и химическими играми-загадками. Что это такое?

Рене: Тут есть некоторые интересные проблемы... Вызвать световые явления или произвести неизвестные химические материалы. И задача ставится не перед автоматом, ты просчитываешь ее сам.

Защитник: Ты эксперт по химическим и физическим вопросам?

Рене: Кое-что мне известно.

Защитник: Знаешь ли ты столько, чтобы судить, трудно или легко преодолеть то или иное техническое препятствие?

Рене: Да.

Защитник: Сталкивались ли вы с трудностями при попытке войти в город?

Рене: Пожалуй, что нет.

Защитник: Кроме лестницы, у вас не было других вспомогательных средств. Как быстро вы проникли в город?

Рене: Довольно быстро.

Защитник: А теперь об оружии. Было ли трудно завладеть им?

Рене: Нет, вовсе нет. Оружие в крепостном помещении у моста висело на виду. Как было с ракетной установкой, я не знаю, но Джек, Дон и Хейно довольно быстро разыскали ее.

Защитник: Трудно было обращаться с оружием?

Рене: Да нет же, наоборот, — легче легкого.

Защитник: Это только по-твоему так, поскольку ты слегка разбираешься в технике? Или по мнению твоих товарищей тоже?

Рене: Они тоже сразу разобрались с оружием. А запустить ракету даже легче, чем стрелять из старых гранатометов.

Защитник: Спасибо. Это все.

Председательствующий: Переходим к опросу свидетелей обвинения. Слово имеет обвинитель.

Обвинитель: Обстоятельства дела, изложенные в обвинительном акте, очевидны благодаря записям Регистратора. Поэтому необходимость в вызове свидетелей отпадает.

Председательствующий: Слово имеет защита.

Защитник: Мне хотелось бы вернуться к некоторым фактам, которые до сих пор либо не связывались с обстоятельствами дела, либо оставались в тени. Они зарегистрированы.

Председательствующий: Регистратор к вашим услугам.

Защитник: Связана ли наша автоматика с Органами Приема и Контроля?

Регистратор: Да.

Защитник: Было ли зарегистрировано появление обвиняемых и их поведение?

Регистратор: Да.

Защитник: По их поведению, особенно после разрушений, причиненных городу в последний день, можно было сделать вывод, что существует опасность и для нижних этажей. Почему не было ничего предпринято?

Регистратор: Программой автоматике не предусмотрено вторжение в подземные области. Автоматика изменяется только после действительно происшедших событий. И только после них может быть изменена сама программа.

Защитник: Итак, я могу считать установленным, что, помимо перекрывающих панелей, не имелось никакой защиты против воздействия разумных существ. Почему такая защита не была предусмотрена?

Регистратор: Люди умиротворены. Машины и автоматы находятся под самоконтролем. Биологические новообразования исключены, так как планету мы стерилизовали. Вторжение разумных существ из межпланетного пространства исключалось, поскольку на соседних планетах жизни нет и образоваться она не может: ее мы тоже стерилизовали. Вторжение разумных существ из метagalaktiki исключалось: наша система связана со своим изолированным Солнцем. А все связанные с Солнцами планетные системы, где могут находиться живые существа, удалены от нас более чем на пять миллионов световых лет. И так как ничто материальное не способно перемещаться со скоростью, превышающей скорость света, с достаточной вероятностью исключалось появление чужих живых существ на нашей планете.

Защитник: Этого довольно. Благодарю.

Председательствующий: Есть ли необходимость в вызове других свидетелей? Есть ли вопросы у обвинителя?.. В таком случае мы завершаем слушание обстоятельств дела, и я прошу обвинителя выступить перед судом.

Обвинитель: Я буду исходить из предпосылки, что разрушение высокоорганизованной жизни, особенно разумных живых существ, является предосудительнейшим преступлением во всем мироздании. Вне всяких сомнений, таково же отношение к этому в мире обвиняемых, ибо и в их уголовном кодексе за убийство предусматриваются самые тяжелые наказания.

Единственными мотивами, которые можно было бы привести в оправдание, отвечая на обвинение в убийстве, — это незнание местных законов или действия, произведенные в результате угрозы собственной жизни. Я могу доказать, что к данному случаю оба смягчающих обстоятельства неприменимы.

Об аргументе «незнание». Этот пункт следует исключить заранее, поскольку вся игра сводилась к тому, чтобы встретиться с самыми высокоразвитыми существами — очевидно, это пережиток тех времен, когда научный поиск был еще не развлечением, а серьезной жизненной задачей. Пуск ракеты, таким образом, мог преследовать только такую цель. Обвиняемые отдавали себе отчет в том, что иным путем им перекрывающих панелей не преодолеть, поэтому попытались взорвать их, не затрудняясь мыслью о том, что могут ранить или убить живые существа. И о последнем из возможных аргументов: будто действовали они по принуждению. Ему противоречит высказывание обвиняемого о том, что в случае отказа его жизнь не подверглась бы ни малейшей угрозе. То же относительно второго обвиняемого. Нас ни в коей мере не интересует, кто в конечном итоге произвел пуск ракеты, нас интересует, кто участвовал в подготовке к пуску: сам пуск ракеты — действие вторичного порядка. А в подготовке к пуску обвиняемые участвовали так же, как и их сотоварищи, не представшие, к сожалению, перед этим судом.

Моя задача — доказать вину обвиняемых. Я сделал это, и я убежден, что неподкупная аппаратура Логистической машины только подтвердит мои выводы. Не вызывает никаких сомнений, что обвиняемым надлежит нести ответственность за убийство в сорока двух случаях и нанесение тяжелых телесных повреждений в ста двадцати случаях. За их преступления они должны быть приговорены к высшей мере наказания, известной их закону, — к смертной казни.

Председательствующий: Я предоставляю слово для защиты.

Защитник: Задача защитника — найти и привести доводы, проливающие более мягкий свет на дела его подзащитных. Эта задача в данном случае не тяжела, напротив, аргументы, опровергающие обвинения прокурора, накапливаются почти что сами по себе. Они настолько всеобъемлющи, что разоблачают все доводы обвинения как необоснованные, и в результате должен быть вынесен не просто более мягкий приговор, чем того требует прокурор, — мои подзащитные должны быть оправданы по всем статьям.

Чтобы доказать это, я вынужден обратиться к обстоятельствам их жизни. Я абстрагируюсь от того факта, что перед нами люди того же вида, как и наши подопечные, которых мы обязаны защищать и охранять. Думаю, такое сравнение будет мне позволено, и я лучше всего проясню ситуацию, если напомню о том состоянии, которого достигли обитатели нашей планеты, когда они пользовались еще садовыми участками Внешнего Кольца. За тысячи поколений до них были решены все задачи, достигнуты все цели,

добыто все знание. Им оставалось одно: наполнять свою жизнь искусством, развлекаться и наслаждаться. Задачи по материальному производству перед ними не ставились, им не приходилось заботиться ни о пище, ни об одежде, ни об обогреве, ни о жилище. Они не работали, не занимались исследованиями, не сражались.

Эта ситуация лишь в одном моменте отличается от ситуации, в которой находятся мои подзащитные, а именно — у них есть возможность межзвездных странствий. Разумеется, странствуют они не с научными целями, а играя в весьма прихотливую игру. Подобно детям, блуждают они по чужим мирам, не зная, по существу, даже, зачем это им. И — разве могло быть иначе? — случаются катастрофы. Кто-то гибнет, но они не избегают опасностей и не боятся их — инстинкт самосохранения ими изжит. Потери приравняются ими к минусовым очкам в игре, к неудачам, к несчастным случаям.

В любом случае мы тем самым установили, что обвиняемые наивны и инфантильны. Все, чем они занимаются, для них — игра. Они не видят разницы между игрой и действительностью. Духовные силы они растрачивают на решение ирреальных задач. Они за себя не отвечают. А по поводу обвинения в совершенных ими преступлениях скажу: они не ведали, что творили. Они не ответственны за это и должны быть оправданы!

Председательствующий: Предоставляю последнее слово обвиняемым. Александр Беер-Веддингтон!

А л: Я требую, чтобы нас судили не автоматы, а люди. Я хочу предстать перед людьми вашей планеты!

Председательствующий: Это бессмысленно. Рене Хонте-Окумура!

Рене: Я тоже...

Председательствующий: Судебное разбирательство закончено. Логистическая машина вынесет и обоснует приговор.

Логистическая машина: Обвинитель пытался доказать, будто обвиняемые — индивидуумы, которым обычно нет дела до законов и прав. Вопрос, есть обвиняемым дело до законов и прав или нет, при определении виновности роли не играет.

Обвинитель пытался доказать, будто обвиняемые — бесчувственные, грубые существа. Вопрос, являются ли обвиняемые бесчувственными, грубыми людьми, при определении виновности роли не играет.

Обвинитель говорил о мотивах, которые вызвали действия обвиняемых. Мотивы, вызвавшие действия обвиняемых, при определении виновности роли не играют.

Защитник указал на образ жизни обвиняемых. Образ жизни обвиняемых при определении виновности роли не играет.

Защитник указал на чуждый нашей действительности склад ума обвиняемых. Чуждый нашей действительности склад ума обвиняемых при определении виновности роли не играет.

Преступления были зафиксированы Регистратором.

Личности совершивших преступления Регистратором установлены.

Имеющие законную силу возражения против виновности обвиняемых не приводились.

Обвиняемые виновны.

Их преступления по их собственному законодательству наказываются смертью в газовой камере.

Заседание суда происходило в помещении длиной в шестнадцать, шириной в восемь и высотой в четыре метра. Возникло оно из их тюремной камеры — раздвинулись стены, состоявшие из знакомых элементов.

Рене все время был готов быстро отключиться, но, когда захотел сделать это сейчас, его словно парализовало. Он совершенно отчетливо понимал, что по своему усмотрению может отключить любой орган чувств, сколь интенсивным ни было бы восприятие поначалу. Так же хорошо он знал, что даже если он и забудет отключиться или ему что-то помешает, с его телом ничего худого не случится. Интенсивность восприятия может возрасти, она может переступить порог боли, и тогда он потеряет сознание — это самое страшное, что с ним может произойти, ну и связанный с обмороком шок. Благодаря пониманию взаимосвязи процесса действие шока всегда само по себе уменьшалось до размеров вполне безобидных.

...Ал ждал. Ждал терпеливо, когда очнется Рене и еще какие события произойдут после. Сначала он услышал, как шипение уменьшилось, как оно пропало, как началось вновь. Несколько погодя он включил самую низкую ступень восприятия запахов и с удовлетворением отметил, что воздух опять пригоден для дыхания. Подождав еще немного, отрегулировал восприятие запаха, вкуса и боли, без которых его мироощущение было неполным. Как только заметил, что Рене задышал, сел рядом с ним.

Тяжело вздрогнув, Рене открыл глаза.

— Ты, старина, все норовишь нырнуть из огня да в полымя! Неужели тебе мало доставалось на орехи? Почему ты не отключился? — спросил Ал, добродушно поддевая друга.

— Не знаю, — сказал Рене хрипло. — У меня почему-то... ничего не вышло.

— Не огорчайся, — утешал его Ал. — Как ты себя чувствуешь?

— Терпимо, — ответил Рене. — Что произошло?

— Они отсосали газ, а потом подали свежий воздух — больше ничего.

— И что теперь? — спросил Рене несколько погодя.

— Я хочу попытаться вступить с ними в контакт, — сказал Ал и прокричал: — Послушайте, я вызываю защитника!

Сразу после его слов помещение приняло прежние размеры — куба высотой в четыре метра.

— Слава богу, — прошептал Рене, когда потолок поднялся и они смогли стать на ноги.

Тут стены опять задвигались, и перед ними предстал автоматический агрегат, назвавший себя «защитником».

— Вы злоупотребили доверием суда, — зазвучало из мембран. — Вы и впрямь верите, будто сможете таким образом избежать ответственности?

— Мы доказали, что в отдельных важнейших моментах превосходим вас, — сказал Ал. — Разве ты не уяснил себе, что мы остаемся в ваших руках по доброй воле?

— Это ничем не доказано. Вы применили какой-то трюк.

— Ты думаешь, мы неправильно информировали вас о функциях человеческого организма на Земле? Или сочинили для вас наше уголовное право? Или назвали смертельной для человека казнь, которая ему ничем не угрожает?

— Нет... я так не считаю. Ваши данные были верны. Я проверил их на детекторе лжи. И признаюсь, что смысл вашего трюка для меня — загадка.

— Слушай внимательно, — начал Ал. Ему было жаль работа, которого они перехитрили. — Мы предстали перед вашим судом лишь для того, чтобы продемонстрировать вам наше превосходство и еще доказать собственное миролюбие. Но отныне предложения будут исходить от нас. Мы согласны, что нанесли некоторый ущерб вашей планете. Мы готовы подчиниться вашему приговору и понести наказание — разумеется, в разумных пределах. Мы даже сообщим вам, каким образом оказались на вашей планете, хотя и без технических деталей — они нам самим неизвестны. Тогда вы сможете убедиться, способны ли вы удалить нас отсюда, и поймете, что только от нашей доброй воли и согласия зависит, удастся вам это или нет. Но на все на это мы дадим согласие исключительно при условии ваших ответных уступок. Вы предали нас суду, так как мы якобы ранили или убили людей. Мы здесь не встретили ни одного местного живого существа, не говоря уже о людях. И наше полное право — требовать встречи с людьми, которые где-то скрываются. Мы хотим узнать все, что связано с ними.

И хотя у вас нет другого выхода, я все-таки спрашиваю: согласны ли вы?

— Согласны.

Ал начал объяснять:

— Общепринятый закон гласит, что ни материя, ни энергия не могут перемещаться со скоростью выше световой. Тем самым абсолютно исключается, чтобы живые существа из мирового пространства попали на вашу планету. Мы тоже не живые существа с Земли: то, что вы видите перед собой, возникло на вашей планете.

Закон предельных скоростей недействителен для передач, происходящих без потребления энергии. Передача, о которой идет речь, — это передача изображения. Долгое время на Земле преобладало мнение, будто передача изображения непременно связана с передачей энергии и тем самым не может распространяться со скоростью, выше световой. Но в конце атомного века ученые подвергли это мнение ревизии. Во всех старых методах передачи изображений передатчик был одновременно источником энергии. Однако если

бы удалось получать энергию для ее дальнейшего распространения из самого медиума передачи, то энергии не требовалось бы перемещаться вместе с изображением. Ученые выражаются еще несколько иначе: они говорят, что речь идет не о направленной вонне видимой передаче энергии, а об виртуальном обмене энергией. Но результат остается тем же — оказывается возможной передача изображения со скоростью, превышающей скорость света. Формирование и распространение изображения остается, правда, энергетическим процессом, но передатчик не является более источником энергии. На основании подобных рассуждений физики нашли способ реализовать упоминавшийся выше «виртуальный обмен энергии» и получили синхронный луч, с помощью которого достижимы практически не ограниченные во времени передачи.

Когда астронавты Земли пришли к выводу, что с помощью своих ракет им не удастся выйти за пределы Солнечной системы, они занялись проблемой использования синхронного луча для исследования мироздания. На первых порах они удовлетворялись обыкновенным отражением: работали с лучом, как с телескопом, с той лишь разницей, что видели реально существующие предметы, а не давно исчезнувшие, как в случае со световыми телескопами. Позднее, когда кибернетика усовершенствовалась, ученые послали в пространство в Среде изображения образец способных к самовоспроизводству клеток робота. И здесь энергия получалась не от передатчика, а изымалась в месте прибытия. Множество отдельных «уколов» поступающего изображения как бы сдвигало атомы в такое положение, когда они становились активными и способными что-то построить. Пусть на сей раз не органическую жизнь, а машину. Этот метод впоследствии настолько усовершенствовали, что стало возможным воспроизведение любых механизмов и автоматов.

Когда исследования были завершены, из этого родилась игра. Каждый ее участник получает подобным же образом образованное псевдотело — в любой точке мирового пространства.

Как будет это тело выглядеть, предоставлено решать каждому из участников; большинство предпочтает походить на самих себя. Мужчины обычно выглядят выше и крепче, чем в реальной жизни, женщины — красивее. Самое важное здесь то, что каждое псевдотело содержит инструменты восприятия, соответствующие обычным человеческим органам. Каждый из таких органов непосредственно связан с Центрами приема и передачи на Земле, где каждое изображение через шлем приема попадает в определенные точки мозга играющего. Совершенство телесных ощущений — впечатление, будто ты действуешь и чувствуешь сам, — было у ученых-исследователей только средством для достижения цели, а для нашей игры это основное условие. Конечно, остроу восприятия в отдельных случаях можно регулировать, ослаблять, чтобы уменьшить, например, силу неприятного ощущения, но это считается неспортивным. Таким образом, в наших мозгах последовательно возникают чувствен-

ные впечатления: удовлетворение, досада, радость, страх. Этим же объясняется, почему гибель наших товарищей оставляла нас безучастными и почему в критических ситуациях мы тем не менее испытывали страх и даже ужас. И в конечном итоге вам стало ясно, каким образом мы, дважды уничтоженные здесь, появились вновь, — просто мы получили новые псевдотела. И можем получить их вновь в любое время. Я думаю, вы поймете, что причинить нам зло вы не в состоянии. Итак, согласны вы выполнить наши желания?

— Да, — донеслось из мембран кубика.

Стены камеры как бы раскрылись. Они увидели скопление колонн, распорок, блоков из смонтированных кубов. Плен позади!

Бывшая камера превратилась в перекрытую платформу, и платформа эта начала опускаться. А крыша осталась на месте.

— До какой стадии вам известна история людей этой планеты? — спросил защитник.

— До того момента, когда вы переместили их в подземные этажи.

Робот начал рассказывать:

— Люди построили первые автоматические приспособления, чтобы те их обслуживали. Позднее они сконструировали автоматы, способные к самосовершенствованию, что и имело место по сегодняшнему дню. Но наша первейшая задача по-прежнему — охрана и обслуживание людей. Все, что мы сделали для них — и с собой! — имело только одну цель: наилучшее и всестороннее обслуживание и охрана людей.

Сначала мы избавили их от необходимости трудиться и мыслить. В те времена, когда они жили в городе-саду, они не занимались ничем иным, кроме развлечений, бесед и всего прочего, создающего хорошее настроение. Мы предоставили им такую возможность, причем от людей не требовалось никаких усилий — мы создали проекционные плоскости и видеошлемы, которые вам уже известны. Мы приветствовали увлечение людей этим изобретением еще и потому, что, сидя перед экранами в своих домах, они не подвергали себя ни малейшей опасности. К сожалению, участились несчастные случаи. Один из жителей города сел, например, в летающую лодку, поднялся вверх — и непонятным для нас образом рухнул вниз. Тогда мы приняли решение перевести людей — разумеется, с их разрешения — в подземные помещения Центрального пульта управления, где они были бы в безопасности. Наша техника достигла такого совершенства, что мы могли исполнить любое их пожелание путем раздражения определенных клеток коры головного мозга. Полагаю, тем самым мы проложили им путь к полному счастью, полному умиротворению и полной безопасности.

Спуск закончился. Кубик заскользил по гладкому полу вперед, они поспешили за ним; шли по залам, где, очевидно, происходили какие-то химические производственные

процессы. Непонятные сплетения прозрачных труб, капилляров, колб, воронок, смесителей, центрифуг и тому подобного заполняли эти залы, и во всей этой стеклянной паутине, подобно аморфным синтетическим рептилиям, двигались столбики жидкости — они делились, сливались, принимали новую окраску, жемчужинами скатывались в пузатые сосуды.

— Это наше средство стерилизации, — объяснил робот. — Мы следим за тем, чтобы сюда не проникло ни одно постороннее семя. По соображениям безопасности нам тоже не обойтись без «очистки».

Они прошли в шлюзовой отсек, и за ними, подобно раздвижной двери, сомкнулась стена. Со всех сторон их обдувал легкий ветерок с незнакомым им, несколько пряным запахом. Потом дверь снова раздвинулась.

Друзья опять оказались в помещении, похожем на лабораторию. В одном из углов возвышался стеклянный цилиндр, светившийся зеленоватым светом. От него к бесчисленным шкалам протянулись трубки, на которых подрагивала белая маркировка. Иногда из грушевидных, цвета слоновой кости тел доносилось негромкое шипение.

— Контрольное устройство, — сказал робот.

Миновали узкий ход, дверь-рамку, в которой колыхалось что-то напоминающее занавес из тумана.

— Это последний контроль, — объяснил защитник. — Просвечивающая рама.

Они оказались перед стеной. Робот подступил к ней вплотную. Она раздвинулась.

— Мы вступаем в святая святых Внутренней Зоны, — сказал робот.

Тяжелый, влажный воздух, фиолетовое свечение, перекачивающееся, будто клубы пара. Правая сторона была свободна, скользкий пол убегал вдаль, и конца его они разглядеть были не в силах. Шаги по коридору походили на шлепки.

Левую сторону коридора занимало сплетение проводов, труб, рефлекторов, нитей, палок и пластиковых оболочек. И в этом сплетении на расстоянии двух метров друг от друга сидели ярко-красные, мясистые, с многочисленными отростками создания, освещенные фиолетовыми лампами. Бесконечный ряд, тоже теряющихся вдали.

— Клетка с орхидеями, — пробормотал Ал.

Иногда, словно под порывом ветра, по ряду пробежало какое-то движение, отростки, напоминающие листочки, начинали дрожать, напрягаться, вытягиваться и поворачиваться. Коленчатые трубочки любовно повторяли каждое перемещение листочков; катушки разматывали проводки, лампы смещались на миллиметр; из пола вырастали подпорки; по стеклянным трубам медленно текла красная жидкость, падавшая прямо в мягкую плоть этих созданий.

— Это люди, — сказал робот.

— На стадии дальнейшего развития, — пояснил защитник.

— Не верю, — сказал Рене.

— А какими вы себе их представляли?

Рене начал запинаться:

— Н-не з-знаю... Другими... не такими...

— Для нас непостижимо, как из существ, подобных нам, произошли эти растения, — сказал Ал.

— Нас это не удивляет, — сказал робот. — Развитие — переход был постепенным — происходило под нашим наблюдением. Будь вы биологами, вы сразу распознали бы, какие органы из каких произошли. Развитие пока не завершено в полной мере: вот, к примеру, рудимент желудка. — Один из его мерцающих огоньков сконцентрировался в луч, который высветил сплюснутую темно-красную складку. Потом луч перепрыгнул на мягко пульсирующий мешочек. — А это сердце, оно до сих пор существует, хотя не выполняет — и не могло бы выполнять — никакой функции.

— А почему эти органы обнажены и не имеют защиты? — задал вопрос Ал.

— Они не нуждаются в защите, — ответил робот.

— Где у них легкие? — спросил Рене.

Луч задрожал на двух вялых складчатых утолщениях.

— Вот они. От кругооборота крови они больше не зависят.

— Двигаться они не в состоянии, — установил Ал.

— А зачем им двигаться?

— Где их кости?

— Им не нужны никакие кости.

— А где руки и ноги?

— Им не нужны ни руки, ни ноги.

— Как они питаются?

— Они получают от нас все необходимые вещества. В переработанном виде — так что переваривать их не приходится.

— Как они дышат?

— Мы пропускаем их кровь через насос, где она приводится в движение, насыщается кислородом и освобождается от углекислого газа.

Вопросы начал задавать Рене.

— Где мозг?

Луч обозначил скатанную в клубок и уплотненную массу, свисавшую из выемки в верхней части «человека». Со всех сторон к ней тянулись тончайшие, словно паутинка, нити, исчезающие внутри «мозга».

— Что это за нити?

— С их помощью мы возбуждаем приятные ощущения. Покой, удовлетворение, счастье и многое другое, чего не выразишь словами.

— Они больше не мыслят?

— Зачем им мыслить? Счастье приходит только благодаря ощущению, чувству. Все остальное мешает.

— Как они размножаются?

— Им незачем размножаться, поскольку они не умирают.

— Могут они вступить с нами в контакт?

— Им незачем больше вступать в контакт с кем бы то ни было.

Оба друга перестали задавать вопросы. Затуманенными глазами смотрели они на похожие на цветы слабые организмы, прикрытые защитными оболочками из металла, стекла и пластика. Они достигли своей цели: рая, нирваны, Всего и Ничего.

— У тебя есть еще вопросы, Рене? — пробормотал потрясенный Ал.

— Нет.

Ал взглянул в белые светящиеся зрочки кубика и сказал на прощание:

— Мы благодарим вас. А теперь мы отключаемся. Можете делать с нашими псевдотелами все, что пожелаете. Мы сюда никогда более не вернемся.

Туловища их обмякли и упали на мокрый пол. Влага начала просачиваться сквозь ткань их костюмов, но они этого уже не ощутили.

**Сокращенный перевод с немецкого
Евгения ФАКТОРОВИЧА**

